

Властелина Богатова

Метка рода

«Литнет»

2019

Богатова В.

Метка рода / В. Богатова — «Литнет», 2019

Вейя, дочь воеводы, вынуждена пребывать в чужом княжестве, ожидая, когда утихнет на пограничье кровавая сеча. Она ждёт возвращение отца, а получает известие о его гибели. Близкий родич обещает устроить судьбу Вейи, да только вместо этого она вновь оказывается на дороге, ведущей в дикие степи, и рядом тот, чей взгляд будоражит душу, сжигая сердце до основания. Он влечёт Вейю как огонь, и всё путаней становятся чувства. Она уже не уверена, как поступить: бежать как можно дальше или сгореть в его объятиях.

© Богатова В., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

— Скажи мне вот что, Далебор, — послышался сквозь поднявшийся шум разговоров спокойный голос Любицы, — кто ныне на пограничье теперь враг нам, а кто друг? Ты всё рассказываешь о степняках этих, а я в толк взять не могу, кто они нам ныне будут.

Не одна Вейя сейчас залюбовалась его ликом пригожим. Красивое лицо сотника озарилась улыбкой — тёплой, простой — но скрыто в ней было многое. Золотистые глаза, словно мёд на солнце, под кудрями, что падали на поблёскивавший потом лоб, сверкнули лукаво. Сотник, взяв чару, приподнялся.

— Так всё важное тебе сказал, княгиня, — почтительно склонился, да всё равно будто проскользнула в жесте этом простом насмешка. — Муж твой возвратиться вскоре — ждать недолго, сам тебе и расскажет.

От такой дерзости у Любицы аж ноздри дрогнули.

Душно было в шумной гриднице князя Годуяра. Так душно, что платье липло к спине Вейи, и кололо на лбу очелье с навешанными на них гроздьями подвесок — тяжёлых, богатых — по случаю гульбища, что затеяла в нынешней вечер княгиня Любица. Разгорячало нутро и подошедший к концу Серпень[1], что, казалось, хочет заморить совсем напоследок уходящей жарой, лишить рассудка невыносимой ночной духотой, что в последнее время выгоняла челядинок из хоромин томиться на уличных лавках. И сейчас через раскрытые низкие дубовые двери влетал скудный, напоенный речной свежестью сквозняк, но его вовсе не хватало, чтобы дышать полной грудью и думать ясно. Густеющая духота только больше пьянила и без того напившихся мёдом мужей да жён. Ели, пили, разговаривали — только и слышны с разных концов хохот да женские пересуды.

Веселье ныне важное и радостное — вернулся Далебор, сотник князя, с вестями разными, и уж не терпелось всем узнать, что творится на землях степных и чего ждать от племён близких южных. Сотник рассказывал, никто его не перебивал. Вейя о том мало что знала и понимала — никто ей на хвосте весточки не приносил, потому и ловила каждое слово, к разговорам прислушивалась внимательно. Тревога за отца родного, что отбывал уж месяц в землях беспокойных, сражаясь в сечах наравне с князем, крутила и изводила, спать не давала по ночам. Вот и пошла на пир шумный только ради того, чтобы услышать хоть какие-то известия с краёв чужих диких, да только своим появлением за столом общим вызвала недовольство в глазах Любицы — не желала та видеть её рядом с собой, да всё же приходилось — родственница как-никак мужнина, хоть и дальняя, из-за стола не выгонишь. Смирилась с тем, что Вейя рядом сидит, по правую сторону от перста — как и положено. Только и видно, как гневно поблёскивали глаза её серые, словно грозовое небо, нагоняли на душу холод. Да и сама княгиня, что роднилась кровью с севера — молодая, видная, высокая, статная. Она только зимой подарила князю первенца — наследника крепкого, здорового.

Любица, как смолк Далебор, за чару резную взялась, словно хотела опору какую найти. Взгляд её застыл словно, чуть ли не льдом покрылся. Вейя проследила, туда же посмотрев, да лучше бы не делала этого. Жар так и прильнул к щекам, загорелся углями на коже, обжигая Вейю с головы до ног, дыхание, кажется, забыла, как поймала на себе горячий, словно раскалённое железо, взор Далебора.

Вейя, очнувшись, разжала подрагивавшие пальцы — так пронял взгляд сотника, положила ложку, посмотрела на Любицу. У княгини, казалось, губы дрогнули от негодования, взявшегося не пойми с чего.

— Отвечай, когда я прашиваю, — чуть резко велела Любица и на этот раз гнева своего не скрывая, — а о чём с мужем буду толковать, то уже не твоя забота.

Далебор лениво даже — уж теперь куда деваться, коли поймала княгиня его на крючок — отлепил от Вейи свой внимательный взгляд, от которого хотелось малодушно соскользнуть с лавки под стол спрятаться, перевёл его на княгиню.

Любица слыла в весях здешних своим нравом пылким да остротою слова, которое порою вперёд стрелы пущенной разило. Вот и сейчас княгиня рода трёх княжеств, казалось, нарочно пытаться принялась Далебора, норов свой спесивый выказывая, чтобы в глазах людей грознее казаться. Вейя даже дыхание задержала, так холодны стали очи владычицы Кряжича.

— Прости, княгиня, за слова резкие, мёд ныне у тебя крепкий, развязал язык, — Далебор серьёзным оставался, но глаза всё равно усмехнулись, как будто ещё гуще колыхнулся в них ответ костра, и понятно стало, что пьян он уже был.

Все кругом будто притихли, вслушиваясь в речи сотника и княгини, взоры на неё устремляя, да всё больше девки на сотника взгляды бросали, млея, ещё больше густел румянец на их щеках. Верно, не даром с губ не сходит у подруг княгининых имя сотника. С придыханием и тайной говорили о нём не зря, стало быть — Вейя убедилась. Берedit и мутит сердца женские взором своим жарким и статью молодецкой не даёт покоя. Привык, верно, собирать на себе жадные взгляды девиц, что толпами вокруг него вились. Он ведь свободный совсем, всё в походах — в княжестве не сидит, некогда, да и не скучно ему, когда внимания, что хоть горстями черпай — отчего бы свободным не походить? Жену взять успеется, а коли в сече голову сложит — так и быть тому, с судьбой не поспоришь — так толковала волхвица княгинина Доброрада. Далебор весь пир с самого начала и не смотрел ни на кого будто, потому Вейе вовсе не по себе стало, когда поймала его взгляд, на неё обращённый.

— В землях степных беспокойно — давят канугары полян, угрозой нависая над нами, — сотник обвёл взглядом гридней и мужей княжеских, — торговые пути из степей к нам опасны ныне, бояться купцы ходить. Князь посыльного отправил с наказом собираться родам в Каручае, позвал он и сына кагана Ибайзара — Тамира, что берёт ныне под своё крыло многие племена степные, силу свою набирая. Будет говорить и решать, как ныне нам быть. Ну а уж сумеем договориться или, напротив, ещё больше врагами станем — то сбор и покажет.

Княгиня губы скривила — не по душе пришёлся ответ Далебора. Хазаряне — племя горячее, и дружба у них так же крепка, как и ярость — сожжёт всё, коли пыхнет, жестокости они в бою и безжалостны, а тут Годуяр задумал к княжему столу позвать и самого кагана[2], чего не случилось никогда.

Вейя вздрогнула, выныривая из задумчивости, как загромыхали голоса мужицкие, забурчали, запереговаривались: кто возмущение своё выказывал, кто уж яриться начал, но если князь решил, знать, так тому и быть. Любица наблюдала за разгоравшимся спором, рукой взмахнула, велел прекратить ропот.

Любица, раздумав немного, хмыкнула — не успокоили, видно, слова сотника княгиню, и Вейю не утешили — только ещё большую муть внутри подняли.

— Глупости говоришь, Далебор, может ты не так понял что, слушать тебя больше не хочу, — бросила в ответ Любица. — Темир — хазарин этот — хоть и стал заступой для своего народа, но друг он ненадёжный, соратник и подавно.

Далебор спорить не стал, хотя видно, что не согласен вовсе со словами княгини, не обиделся на её слова резкие, напротив — смотрел как-то с восхищением, будто чуть задумчиво. И от этого взгляда даже у Вейи щёки ещё жарче пыхнули — как смотрит на княгиню сотник. И казалось, никто не видит этого, кроме Вейи.

— Ладно, Далебор, пей, гуляй, мужа своего дождусь. Коли не соврал ты, к Вересню[3] придёт.

Далебор только склонился ещё раз и, ничего не ответив княгине, опустился на лавку обратно. А вскоре и разговоры вновь полились в прежнем русле, да ещё шумнее, чем раньше, многие спорить продолжили да, распалившись только, силой мериться стали мужи и гридни.

Любица с подругами да наставницами разговаривала и всё чаще бросала колкие взгляды в сторону гремевшего хохотом сотника, да изредка переводила серые стылые глаза на Вейю, будто за гульбищем вспоминала о ней ненароком.

Вейе не до того было: не упомянул о Гремиславе — отце её, сотник ничего. Долго ль оставаться ей под опекой Любицы? Она ведь Вейе чужая совсем. Что теперь будет? Ясно же, что назад — в острог родной Годуч — дороги нет. Всё нерадостнее и мрачнее становились мысли, изводили вместе с духотой смешанный с запахом хмеля и духом разгорячённых мужицких тел. Всё громче становились голоса и звонче смех женщин, вот уже и загрохотали в бубны, заиграли свирели, а столы так и вздрагивали — зачиналось веселье.

Любица вскоре покинула своё мягкое, устеленное волчьими шкурами кресло — верно, к сыну поспешила. Шестимесячный ещё, внимания материнского требует, а народ всё приходил в гридницу, и теперь, казалось, больше стало людей, что места уже не находилось свободного. Вейя всё думала да порывалась поговорить с сотником об отце, спросить побольше — Любица только о своём муже и чаяла, только не успела Вейя насмелиться — уж помнила его взгляд, да не застала сотника на прежнем месте, затерялся куда-то. И ясно же, что в вечер этот Далебор на разрыв.

Вейе неловко совсем стало, когда вдруг начала ловить обращённые на неё взгляды гридней, поспешила в женский стан вернуться. Поднявшись с лавки, оставив наперсниц своих, вышла из-за стола, пошла из гридницы прочь, только и остался за спиной гомон да весёлые звуки свирели вместе с духотой невыносимой, разбавленной запахом костров и снеди. Никто Вейю останавливать не стал, возвращать к пиршеству не поспешил — чужая она тут, и за то недолгое время — всего седмица, что побывала она в Кряжиче — подруг не сыскала новых. Да, признать, Вейя не слишком в них нуждалась: сплетничать не умела, пересудов долгих вести за шитьём да прядением не старалась, да и не о чем.

Единственной отрадой стала волхвица княгинина — Доброрада, к ней-то Вейя и поспешила, испытав нужду сильную утешить и развеять волнение, что поднялось от вестей, так, что совсем муторно стало. Уж она, поди, не спит — Вейя понадеялась. Да и прикипела к Доброраде неспроста — интересны Вейи мудрость и знания волхвицы, которые не постичь за одну жизнь.

Вейя, перейдя двор, по стёжкам узким пошла, что пользовали только челядинки, они аккуратно через яблоневый сад пролегали к реке, да и короче так до избы волхвы, только темно разве что уже. Но кого Вейя может встретить, коли все сейчас в княжих гридницах? А всё же, оказавшись под сенью густой и сумрачной среди кряжистых деревьев, сердце забилося чаще, и места знакомые вдруг чужими обернулись. Вейя, подобрав подол платья тяжёлого, украшенного вышивкой обильной, пошла быстрее, желая скорее в тёплой горнице Доброрады оказаться, да едва не споткнулась на ровном месте, когда услышала смех, что донёсся со стороны стены крепостной, пролёг будто преградой перед ногами. Вейя бы и не остановилась и не острила слух, если бы не показался ей голос знакомым сильно — Любицы-княгини. Только что она делает тут? Разве не должна в хороминах быть сейчас? Вейя продолжила путь, решая быстрее уйти, а когда прокатился по воздуху мужской голос, остановилась, совсем вглядываясь в глубь сада, да так и затаила дыхание.

— Я же вижу, как ты таращился на неё всё застолье, и мне не лги, Далебор, хуже будет только — тебе понравилась девка эта! — Так отчётливо, будто в рог проговорённые, донеслись до Вейи слова Любицы.

— Нарочно злишься, Любица, и я могу злиться, и кусаться могу. Но желанней тебя нет у меня никого, ты же знаешь это сама. Кто мне нужен, когда ты у меня такая... — Сунул руку меж ног ребром — Вейя в темноте разобрала, как вверх ей провёл, задирая выше подолы, оголяя бесстыдно бёдра княгини, только и слышно, как звякнули бубенчики на поясе.

Любица голову запрокинула, прикрывая веки от того — верно, каждое прикосновение сотника желанным было, и шею открыла гибкую, подставляя себя губам жарким его.

Вейя ни пошевелиться не могла, ни с места сдвинуться, так и пристыли ступни к земле, и дрожь пробрала. Одёрнула себя, взор отводя, да вперёд было качнулась, скорее идти.

— Речи твои, Далебор, мёда слаще, — сбивчиво уже заговорила княгиня, зарываясь пальцами в длинные кудри, притягивая лицо сотника к себе ближе, смотря неотрывно ему в глаза: то в один, то в другой, будто увидеть что хотела, утвердиться в чём-то с жадностью, ревностью, — пить не напиться. Да только знай — коли узнаю... о-ох...

Оборвался шёпот, когда Далебор резко в тело мягкое, в его руках сильных загорелых, обожжённых степным оком, толкнулся.

— Продолжай, княгиня... — захрипел, склоняясь, осыпая ключицы поцелуями короткими ненасытными, захватывая краями губ подбородок округлый, прикусывая губы, раскрывшееся в выдохе, а потом с жадностью на её рот накинудся, будто испить только и жаждал. — Что сделаешь — скажи, али на ремни меня порежешь или голодом заморишь? — шептал хрипло, сбивчиво. Отвёл бёдра и вновь качнул уже мягче, да всё равно с силой врываясь напором в княгиню, держа Любицу крепко под коленями, а та только и хваталась за шею сильную, прижимаясь к дереву спиной, удерживаясь навесу. — Но я и на то и на другое ради тебя сам пойду. Соскучился по тебе, Любица, так соскучился, что не отпущу тебя сегодня уже в хоромину твою темницу, моей всю ночь будешь...

Задвигался быстрее, Любица только пальчиками вцепилась крепче, вонзая в его плечи литые, широкие, испуская стоны приглушённые. Уже и намитка[4] с венцом сползли с головы, открывая светло-золотистые волосы. Далебор подминал под себя Любицу, давил всё вперёд, безуданно рвался.

Вейя, не зная, куда и деться, назад попятилась, да наступила на веточку — та хрустнула негромко под ногой, но княгиня голову повернула, взгляд серых заволокнувших туманом глаз скользнул по кущам сада, но Вейя успела за низкие ветки в тени схорониться. Любица запрокинула голову назад, разметав волосы золотистые по спине, вздрагивая от мощных толчков сотника. Вейя развернулась и пустилась прочь, ступая по мягкой траве, скрываясь за деревьями скорее, слыша сквозь гул сердца тихие стоны Любицы, да зажатое в горле тяжёлое дыхание сотника.

Вейя всё дальше уходила в тень, даже стёжку потеряла, с дороги сбившись, и теперь цеплялась подолом за кусты шиповника, что рос здесь повсюду. Но, слава Богам, вскоре ворота завиднелись. Запыхавшись, Вейя сбавила шаг, но всё назад оглядывалась, всматриваясь в стылый сумрак сада, в глубине которого осталась княгиня с Далебором. И надо же было встретить их на пути! Плохая была затея к Доброраде отправляться в такое время. Но теперь уже назад не повернуть, что видела Вейя — из головы не выкинешь. И не её то дело, а всё же Любица дурно поступает.

Вейя торопливо мимо стражников проскочила и вскоре в женском стане оказалась. И такая тишина здесь стояла, что слышно, как шуршала трава под ногами. Все сейчас в детинце, издалека доносились голоса весёлые. Вейя, поднявшись на крыльцо, задержалась, окидывая взглядом постройку теремные, в недрах которых колыхался меж брусчатых массивных стен густой свет от костров, озаряя тропки.

Постояв немного, Вейя в горницу вошла пустую, а оттуда в светлицу свою поднялась, не встретив ни одной челядинки. Сперва волок приоткрыла. Вечерний воздух заструился в хоромину, наполняя свежестью. Вейя, успокоившись, вовсе неторопливо стянула очелье, которое тяжестью соскользнуло с головы в руки, положила его на стол, как и пояс. Усталость вскоре отвоевала своё, думать уже больше ни о чём не хотелось. Расчесав волосы, Вейя нырнула в мягко устланную постель. Стоило веки прикрыть, как перед глазами появлялись то Далебор и Любица, то жарко горящие глаза сотника, от которого Вейе не по себе делалось, и она всё ворочалась в постели, не зная, куда от этого взора деться, пока не забылась сном.

Путру от шороха проснулась — челядинка пришла со свежей водой и полотнами. И хоть ныне можно подольше на лавке понежиться, а всё же Вейя поднялась. Умывшись прохладной водой, собралась, накинув на плечи верхицу, вышла из светёлки.

Во всём детинце после застолья тишина стояла, гуляла прохлада по земле. Стоило Вейе во двор выйти, кутаясь в шерстяную верхицу, поспешила — на этот раз дорогу выбрала в обход — сада яблоневого теперь так и будет сторониться, чтобы там ещё что ненароком не увидеть того, чего Вейя не должна видеть. Выйдя за городьбу детинца, сразу в сосновый бор углубилась.

Гонимая прохладой утренней, шла быстро. Туман оседал в самых низинах, и Вейя ныряла в него, будто в облако — такой густой, что серые сосновые стволы едва различимы становились. Сосновый бор в этой стороне городища ложился бескрайним будто. Говорили, что лесной хозяин здесь лютый, дорожки вроде протоптанные, хоженные, знакомые, а всё равно заблудиться можно. Но Вейя дошла до капища быстро.

Поднялся перед ней кряжистый холм, а следом дымом повеяло. Вейя взглядом окинула вершину, оглядывая высившиеся толстые сосны, росшие вокруг частокола высокого. Ворота святилища распахнуты, мелькали там уже серые подолы жриц — готовились к заутрене.

Вейя, пройдя капище, вскоре оказалась на заимке избы волхвицы, что на возвышенности ближе к реке стояла. Сруб невеликий, низкий, без порога — да что нужно женщине-служительнице? Правда, помощниц Доброрада держала.

Вейя вошла в дверь, и тут же дух трав обьял да снеди вкусной, что готовила у печи помощница молодая. Завидев пришедшую гостью, девица поклонилась растеряннo да принялась дальше хлопотать. Вейя поняла, что Доброрада не вернулась ещё.

Сняв верхицу, к столу прошла и на лавку присела — подождёт её.

Но только ждать оказалось долго, уже и светлеть начало сильнее, и помощница молчаливая, приготовив снесь, на стол выставив, в другую клеть ушла. Вейя всё о вчерашнем пиршестве думала, об отце...

Волхве, верно, не до забот Вейи, у ней хлопоты побольше её будут, а она пришла тут со своими разговорами пустыми. Да и что ей Доброрада скажет? Чем утешит? Вейя уже собралась уходить, передумав, как половицы скрипнули, и на пороге появилась Доброрада.

[1] *Серпень — август.*

[2] *Каган — высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии. Хан ханов.*

[3] *Вересень — сентябрь.*

[4] *Намитка — головной убор замужних женщин.*

Глава 2

Волхва к столу прошла, разматывая плат на шее, расправляя концы по плечам, взяв крынку, влила в плошку ароматного взвара гостье и себе. Напротив Вейи села.

— Случилось ли что, Вейя? — спросила ласково всё же.

И невозможно от взгляда её пронзительного уйти, смотрит будто в самую душу, всё видит, и те мысли беспокойные, что не давали нынешней ночью спать Вейе.

— Вчера сотник князя прибыл... да ты знаешь, наверное. Вернётся на днях и сам Годуяр... — на одном выдохе сказала.

Доброрада выслушала внимательно, в чашу свою посмотрела да к губам поднесла — испила, задумываясь о чём-то. Вейя тоже сделала глоток, раскушывая сладость ягодную питья целительного.

— О князе знаю. Вчера такой шум стол, что слышно его было даже у капища. Ну а ты тревожишься за отца, — произнесла волхва, — места себе найти не можешь, и вовсе не из-за того, что тебе вчера довелось увидеть, верно? — сказала волхва, хитро глаза прищурив, сверкнув на Вейю.

А потом, оторвав взор от Вейи, в разволочённое окошко низкое посмотрела, откуда виднелся плетень низкий и холм покатый, тонувший в тумане. Вейе так не по себе стало и муторно, что прийти в себя не могла, и жар стыда несусветного заметался по груди. Неужели всё поняла волхва, что она видела? Но ведь невозможно такое?!

— Пойдём, — вдруг поднялась с лавки волхва, отставляя свою плошку, беря из рук Вейи её чару.

И пирог, что чернавка из печи только вытащила, нарыв краем рушника, тоже взяла. Неужели смотреть будет? К Макоши обращаться? Никогда раньше она не делала этого для Вейи.

— Узнаем, что там впереди, а то, видно, до того мига, как отец твой приедет, ты изведёшься вся. И так вон какая тонкая стала, как тростинка, глядела бы лучше по сторонам — на тебя такие молодцы заглядываться, а ты и не замечаешь ничего, в чаяниях пустых утонула совсем, — всё бурчала волхвица, сворачивая в рушник пирог.

— Далебор вчера ни словом не обмолвился о воеводе...

Доброрада взор свой пронзительный подняла, но отвернулась тут же, к двери направилась, и дрогнули пальцы Вейи — не ускользнуло от внимания, как в глазах волхвы тревога качнулась, осела илом на сердце. Вейя поднялась, сжимая верхицу в руках, за Доброрадой последовала, не чувствуя ног от поднявшегося волнения.

Выйдя из избы, волхва на займище свернула, а оттуда поднялись на холм к капищу. Вейя смотрела всё на спину Доброрады. Туман уже уходил в самые низины влажные, рассвет чуть ярче становился на окоёме. Поблёскивало из-за леса светило. Близился зной дневной, от которого нужно будет хорониться в тенях деревьев или в глубине теремов, проводя время за полотном и иглой. Только внутри Вейи совсем было зябко.

— Время подходящее, чтобы в будущее заглянуть — Чуров день близился, день, когда грань миров стирается и прашуры взирают на дела наши, к очагу своих потомков приходят, братчину разделяют, — говорила волхва, поднимаясь по тропке, что вытоптала за это лето.

Капище, что высилось недалеко от детинца, древнее. Тут, у соснового бора в глуши благодатной.

Прежде чем войти, Доброрада свёрток с требой в руки Вейи вручила.

— Принеси в дар, негоже с пустыми руками приходить к богам, — слышался будто укор в голосе волхвицы.

Вейя только губу закусила — и в самом деле не озаботилась сразу, и, прежде чем к Доброраде явиться, нужно было сперва богам поклон отдать. Но теперь поздно уж спохватилась.

Вошли в воротину, посеревшую от времени да трещинами покрывшуюся, и Вейя взор к ликам подняла. Ныне как будто они взирали вдаль особо сурово, словно не довольны тем, с чем Вейя пришла к ним. Жрицы — женщины а возрасте, когда детей переставали плодить — чуть удалились, не мешая, да всё равно поглядывали на пришлую девицу с вниманием. Доброрада поклонилась Чурам-богам, отошла, позволяя Вейе преподнести дар.

Развернув ещё тёплую, пахнущую сладко ягодами лепёшку, в огонь осторожно, чтобы пальцы не обжечь, положила, стараясь волнение своё унять и сердце открыть, впустить вместе с дымом волю чистую. Огонь занялся, будто качнулся, поднялся, скрывая пирог — добрый знак, приняли требу, стало быть, просить, зачем пришла, можно.

— А теперь в сторонке обожди, — велела Доброрада и к костру подступила, поднимая чару, из которой пила Вейя.

Зашевелились губы волхвы. Зашептали слова заветные, что грань невидимую отмыкают. Доброрада глаза прикрыла, и показалось сейчас её лицо настолько бледным и гладким, хоть и кружево морщин было у глаз, что Вейя даже не узнала её, тихо отошла, не мешая, позволяя волхве обряд чинить. И сердце гулко билось — всё же храбрости нужно много скопить, чтобы узнать то, что быть должно впереди, то, чего глаза ещё не видят, но сердце чувствует.

Бормотания Доброрады стали сбивчивыми, и как бы Вейя не прислушивалась к ним, но ни слова не могла различить, до того путанные непрерывно лились с её бледных уст, срываясь в воздух.

А потом и вовсе стало чудиться странное: дым словно за клубился густо у ног волхвы да вверх пополз, окутывая женщину тонкой прозрачной куделью, да будто в чару, скованную в пальцах женщины, потянулся. И сколько так длилось — Вейя потерялась: может, миг, а может больше. Только разносился по воздуху гулом голос Доброрады, растворяясь за высоким частоколом. Но пришло время, и волхва смолкла да тут же качнулась легонько, опуская руки, едва не выплёскивая из чары питьё. Вейя хотела к ней броситься да удержала себя от такой глупости — не нуждалась волхва сильная в помощи. Вейя только наблюдала молча, ожидание трепетное муторное затаив. Видела, как веки Доброрады дрожали, а дыхание сбилось — видно, что всё же немало сил отдала.

Наконец, она вдохнула глубоко, с тяжестью, медленно голову повернула, взглянув на притихшую рядом Вейю. Сердце в груди так и ткнулось тупой болью.

Доброрада в огонь вылила питьё из чары, поставив рядом на траву посуду. Вейя медленно приблизилась к ней, не зная, как спросить, что увидела, что узнала.

— Не случайны твои тревоги, — заговорила волхва, смотря на лики Чуров. — Годуяр без отца твоего приедет...

В груди так и оборвалось сердце, запрыгало так горячо и гулко, что дышать трудно стало. В глазах потемнело.

— ...Только смерти его я не увидела, но и скрыт он от глаз богов... что странно... — выдохнула волхва.

— Как скрыт? — прошептала Вейя, чувствуя на губах жар костра, как сушил он нещадно, только ей не до этого. — Не понимаю, что ты такое говоришь, Доброрада?

Женщина посмотрела на неё, и Вейя едва не отпрянула, настолько глаза волхвы были сейчас темны, что и правду в марь смотрели, в глубины сокрытые, куда простому смертному не добраться.

— Не спрашивай больше ничего, не отец твой важен сейчас для тебя, а судьба твоя...

Вейя так и задержала дыхание, бегло смотря на волхву, ещё больше не понимая её.

— ...В острог свой дорогу забудь, не вернёшься ты домой более, всё дальше тебя от дома дорожка чужая будет уводить с человеком тебе чужим, сыном земли не нашей, с говором, тебе

чуждым. Не по своей воле за ним пойдёшь. Метка, что на нём, будет тебя вести, связывая вас всё крепче. Настолько станет прочна, что ни одна кровь не разорвёт, ни одна сила не разрушит. И коли от князя Годуяра не уйдёшь, сегодня же найдёт тебя он, сразу... заметит.

— Что ты такое говоришь, Доброрада? — содрогнулась Вейя, повторяясь. Холод пронял от слов её.

— Говорю то, что боги показали, — устало ответила волхва, отвернувшись, поднимая чару пустую с земли.

Вейя растеряннo перед собой посмотрела, не зная, что и делать. Слова непонятные закручивались внутри в воронку, взбаламутили. Какой чужак? И что за метка? От князя Годуяра бежать... так куда? И с отцом ничего не ясно? Что с ним случилось? Глаза зажгло и хотелось плакать от непонимания. Но расспрашивать больше волхва запретила.

— Спасибо тебе, Доброрада, — едва слышно прошептала Вейя, губы разлепляя.

— Богов благодари, — глаза волхвицы светлеть стали, приобретая свой лазоревый цвет.

Вейя на лики взглянула сквозь дым, в глазницы глубокие, оглядывая ребро носа, высеченного грубо, и прорези рта. Не утешило её предсказание, только ещё больше темнее стало внутри.

— Пойду я... — бросила Вейя волхве, что наблюдала за ней да, не мешая сильно, знала, что слова её ещё больше только смятение нагонят, оттого и молчала, оттого и держать подле себя не стала, кивнула, позволяя Вейе идти.

— Ступай. А мне подумать нужно...

Вейя отступила, и ног не чувствовала. Жрецы расступились, провожая блеклыми взглядами. Она бы осталась, да страх гнал прочь от капища. Вейя шла, под ноги себе смотря, как быстро мелькали носки из-под подола, ощущая, как туман колени холодил и кисти рук, так, что пальцы зябли. Не заметила, как в лощину спустилась, в сосновый бор вновь погрузившись, пахнувший густо еловой смолой и прелью. Вейя остановилась, понимая, что, чуть ли не на бег перешла, плечом о ствол оперлась. Схватила за тесьму на ворота пальцами, тереть принялась, беспокойство унимая.

Сомнение помалу в слова волхвы вкрадываться стали. Может, что не так растолковала, увидела? Далебор вчера упоминал о чужаках, что едут к Каручаю, уж не про хазар ли она толковала? Про них, верно. Вейя веки прикрыла, унимая поднявшуюся тошноту, качнула головой, только кольца на висках блеснули, попадая под лучи низкие, тянувшиеся из-за окоёма, через махровые кроны пробиваясь, золотя верхушки серых вековых стволов.

Путанно говорила волхва. Как она может сейчас собраться и покинуть Кряжич? Конечно, собраться со своими наперсницами да к родичам к Сосновым Острожкам нетрудно отправиться, но не может она, коли Годуяр уже в пути и на днях будет в Кряжиче. Так и не узнает с его уст вестей, уедет в неведении. Нет, нельзя так.

Вейя зябнуть начала, стынь так и поднималась с влажных лощин. Отлепившись от дерева, дальше пошла. Нужно подумать обо всём, а чуть позже к Доброраде возвратиться за советом. После обряда в себя нужно прийти.

Едва Вейя из-за чащи вышла, как льющееся тепло Дажьбога объяло, согрело, развеяло муть на немного. Вейя поторопилась до хоромин добежать, прислушиваясь да пряча глаза от гридней, что на воротах дозорными всю ночь стояли. Они проводили Вейю взглядами внимательными до тех пор, пока не скрылась за постройками, а как прошла по мощённую бревенчатую дорожку, ведущую к женскому стану, сбавила шаг — тут уж на взгляды мужицкие не наткнёшься.

Детинец уж пробудился, носились по двору челядинки, теперь расторопнее — верно, Любица разгону всем дала с утра, а отдыхать и нет времени — к другому пиршеству готовиться нужно: как-никак, а сам князь Годуяр скоро прибудет.

С Любией сталкиваться не хотелось, казалось, посмотрит ей в глаза, да и выдаст себя тут же Вейя, и заподозрит княгиня ещё чего, а сейчас не до того. Хотя и жёг стыд, вспомнить только, как Любича сотнику отдавалось, а Вейя и думать о том не хотела — как княгиня теперь мужу в глаза смотреть будет, только, видно, не первый раз то было. Пусть она сама ответ перед ним держит да перед богами, которым клятвы и обещания давала, Вейе нет до того дела.

Хоромины сосновые могучие встретили Вейю прохладой, пряность свежих трав луговых, что уже нарвали с утра челядинки да по углам разложили, наполняли духом особым и силой бодрили. Хорошо было в Кряжиче у князя Годуяра гостить, жизнь здесь течёт, что речка проточная — вроде быстро, да ровно. В остроге родном всё же беспокойнее было.

Вейя едва о порог не споткнулась, увидев княгиню у окна, когда в горницу вошла, что Любича ей отрядила по приезду. Она повернулась, впевнившись в Вейю взглядом едким. Вейя так и замерла у порога, не в силах совладать с растерянностью и удивлением, жар предательски всё же пыхнул углями на щеках, разнёсся по телу дрожью. Вейя сбросила волнение тут же — ведь не видел её никто, чего так разволновалась? Да всё же княгиня никогда за эти дни, что прибывала Вейя в детинце, не заходила, не справлялась и не чаяла за неё. И слова её те ревнивые, брошенные сотнику, всколыхнулись в памяти. Не рада была княгиня Вейе, а как Далебор вернулся — и вовсе ошетибилась, будто Вейя ей дорогу в чём перешла.

— Ходила уж куда? — спросила, скользнув по девушке взглядом внимательным.

— На капище, — ответила, не выказывая своего волнения, что пуще разгуливало по телу, прошла к лавке и положила верхицу, что так в руках и несла.

И не ускользнуло от Вейи, как нынче хороша была собой княгиня, как светилась белая кожа в обрамлении льняной намитки, что волосы её покрывала, как проступал румянец на щеках и горели красным сердоликом — как дорогие бусы на её груди — губы. И платье, в которое обрядилась она в нынешнее утро, из шёлка алого дорогого из дальних земель привезённого. Богато одевал её князь Годуяр, жена — его гордость и отрада. Многие считали, что наряжается княгиня для князя своего от радости о скором его приезде — так бы и Вейя подумала, а теперь даже горечь взяла от понимания, для кого это так Любича старается.

Она покинула своё место прошла к Вейе, остановившись в шаге от неё, в лицо всматриваясь, выискивая что-то, раздумывая над чем-то.

— Отчего ты поникшая такая? Ещё вчера за пиршеством заметила. Не обижают кто тебя? — в голосе и правда забота послышалась, чёрные точки зрачков, будто углём нарисованные, дёргались, по лицу Вейи блуждали.

— Нет, не обижают, спасибо, что озаботилась, — ответила Вейя, ощущая, как в близости Любичи неуютно становилось.

— А на капище для чего ходила? — продолжила пытаться, не выпуская Вейю из-под своего въедливого взгляда.

— Требу приносила, за отца просила, — сказала и сжала губы от того, что приврать немного пришлось. Лучше Любиче не знать, что с волхвой Вейя сдружилась да поддержки во всём у неё искала.

Любича помолчала, а потом выдохнула свободнее как-то, чуть дрогнули губы в улыбке, что ярким пятном на белом лице княгини выделялись.

— Мне сказали, вчера ты ушла быстро с пира, вот я и подумала, что кто обидел тебя.

— Плохо стало от шума, вернулась в хоромину да спать легла.

Любича посмотрела на Вейю, огладив ладонью стол и лежавшее на нём вчерашнее убранство праздничное да украшение. Вейю как ошпарило кипятком, когда под руку княгини поясок попался, которым была подвязана вчера. Золотистые брови Любичи чуть сошлись, как увидела, что Вейя побелела вдруг, опустила взгляд и застыла. Глаза княгини померкли, она сжала пальцы, убирая руку с пояска тканного. Но тут вдруг улыбнулась растерянн и в то же время напряжённо.

— Красивый, сама ткала?

— Матушкин, — ответила, сглотнув — пересохло сильно во рту.

Любица вновь вернула взгляд на узорный пояс, глаза её похолодели, превратившись в два стылых провала.

Помолчав, раздумывая, Любица так же медленно отошла от стола, к двери направляясь, но, поравнявшись с Вейей, задержалась:

— Коли тебе что нужно, говори, — прозвучал голос сталью.

Вейя выдохнула, повернув голову к княгине, которая на пядь, да всё же была выше. Серые глаза, что пепел, обжигали Вейю. Верно, Любица плату предлагает за молчание, но Вейя никому и не собиралась болтать. И если думает, что может купить её, то ошибается.

— Не нужно, — отвернувшись, к столу прошла, подбирая пояс, складывая бережно, — что кров дала и пристанище временное — на том спасибо.

Хоть хозяин здесь Годуяр, и он решал, что с родственницей делать, но Любица хозяйка — шея мужа, что бы он ни решил, а княгиня повернёт куда ей нужно.

Любица так и стояла на месте недвижимо, верно, ответ такой не по нутру пришёлся ей. Вейе хотелось одного — чтобы ушла она скорее. Если бы осталась на пиру, ничего бы такого не видела, а теперь скверную тайну эту придётся разделять. Побыстрее бы уехать из Кряжича...

Любица чуть дёрнулась, чтобы повернуться, да задержалась, передумав будто, губы сжала, пошла к двери. Вейя только почувствовала, как окатило её волной негодования княгини. Она ушла, хлопнув дверью. Постояв немного, вслушиваясь в тишину, дыша запахом стойким яблоневого цвета Любицы, Вейя положила пояс обратно на стол, рассеяно по хороmine взглядом скользнула. Теперь туго будет ужиться с княгиней, уж поскорей бы Годуяр был.

До обедни Вейя сама не своя без пути бродила по терему, бралась и за иглу, да только стежки не ложились ровно как надо, и пальцы посколола, и нить путалась всё, только зля ещё больше. Побывала и в стенах, где ристалище развернулось. Вейя среди мужей всё Далебора выискивала, тепла надежду переговорить с ним, но как только появилась Любица с первенцем да со своими подругами у ворот, вернулась в хоромину и больше не выходила.

Вейя ждала, что Доброрада за ней пошлёт, и сама собиралась, но, подумав, останавливалась. Как бы ещё хуже не стало. Не готова она уезжать так скоро, оставлять всё.

Так и вечер прошёл, потом ещё один день. Вейя с Любицей больше не сталкивалась, и та не искала с ней встреч. Тем и хорошо.

Минули ещё два дня, и уж немного позабылись предсказания волхвы, и Вейя встала лёгкая, как пушинка, впервые тревогу не почувствовав в себе, и всё казалось не таким уж и хмурым.

Выглянула в разволочённое оконце, радуясь погожему дню. А как челядинка Мира вбежала в хоромину, напугав, известив Вейю о том, что князь прибыл, радость всплеснулась внутри. Поспешила собраться скорее, хотя знала, что пока Годуяру не до неё будет — такая суматоха поднялась в детинце, челядинки ног сбивались, двор полнился кметями, стало шумно и тесно — не протолкнуться. Вейя всё высматривала отца среди вернувшихся, да так и не нашла, вернулась в хоромину, спрятавшись ото всех. Сбылись слова Доброрады — не вернулся Гремислав. И так плохо стало, что Вейя из хоромины не выходила никуда, только слышала из окна, как гомонил двор, как повеяло дымом и всякими вкусными запахами из поварни, как завязывалось гулянье широкое. Только место для Вейи ныне там — за столом общим — не было, князь, верно, и забыл о ней.

Как стало вечерять, Мира справила для Вейи баньку, смыть тяжесть гнетущую паром целебным, наполненным запахом берёзовых веток, что в самые поры проникал унять тревогу. И в самом деле — легче как будто стало, тело словно обновилось, полегчало. Вейя, оставив

челядинку прибраться, покинула баню и быстрым шагом в горницу свою поспешила, подальше от пировавших. Кругом только и мелькали блики костров, хоть Дажьбог к окоёму только спускался, обливая стены теремные багрянцем жарким.

Вейя шаг сбавила, себя одёргивая — от кого бежит? Ясно и так, что не дожётся Греми-слава, и нечего надежду таить, что он позже князя может вернуться — не вернётся. А люду что? Что им не плясать, не веселиться? Это там — где-то далеко за стенами Кряжича — сеча твориться и недруг лютует, а тут — в стенах толстых — спокойно, и князь живой возвратился. Как не пировать да из рога мёд не пить, тем, кто остался лежать в степи, тризну не справить как подобает? Горевать нельзя, нельзя духа сломленного показывать, богов и удачу от себя отворачивать.

Вейя за раздумьями и не видела, куда ступала, так и ударилась о вставшего столбом гридня, отпрянула тут же, подбирая слетевший плат с плеч, поздно понимая, что вновь на шаг скорый перешла.

— Прости, — буркнула под нос, глаз не поднимая, скорее скрыться торопилась, пока её слова бранные за то, что под ноги себе не смотрит, не догнали.

Да не тут-то было! Сильные руки плечи её сжали, задержать поспешили. Вейя и понять ничего не успела, как увлёк её в сень берёзы гридень.

Глава 3

— Пусти! — отпрянула Вейя, когда ладони широкие легли ей на спину — гридень к себе теснее притянул. Вейя вспыхнула гневом и досадой от наглости такой.

— Не торопись, — горячее дыхание висок обдало, по губам сладким хмелем мазнуло.

Вейя замерла, посмотрела на того, кто поджидал её здесь у ворот в детинец. И дыхание потеряла — обожглась о взгляд пылкий Далебора.

— Что тебе? — выдохнула.

Далебор улыбнулся едва заметно, руки спустил к локтям, ослабевая тесный плен. Он хоть и не держал, а путь пригладил, тесня Вейю к берёзе. Густая тень от его тела сильного на Вейю упала, и жаркое око теперь играло в его тёмных кудрях, окутывая мягко плечи, сейчас не скованные латами жёсткими, словно девица ласковая, обнимала золотистым облаком. Вейю от сотника мощью и горечью дубового листа. Вейя невольно втянула больше воздуха в грудь, чтобы головокружение унять. Недаром Любица ревностью изводится — статен и красив Далебор.

— К столу не торопишься, как понимаю, а я ждал, хотел посмотреть поближе, что за голубку князь у себя приютил.

— Посмотрел?

Губы в обрамлении усов да не длинной броды ухмыльнулись выразительнее.

— Смотрю, не голубка, а соколица, прилетевшая к нам с острога Годуч.

Вейя вспыхнула, захотелось как можно подальше от него отойти, от взгляда опасно поблёскивавшего — слишком душно стало рядом с ним.

— Сильно он тебя прятал. Не знал, что у воеводы Гремислава дочка такая есть, да ещё и родственница князя.

— Узнал?

— Узнал.

— Теперь дай пройти, — дёрнулась Вейя, да сотник подставил плечо, отрезая путь.

Вейя бросила на него взгляд, гневом распаляясь. В другое время, не зная, что он с княгиней любит, прячась от мужа, Вейя, наверное, так же как и все девицы детинца, разомлела бы и улыбалась. Но зная, что за спиной князя Далебор делает, речи вести не хотелось с ним, а уж улыбаться и подавно, хоть и ничего не сделал ей плохого, а всё же цеплял чем-то. А теперь Любица догадалась о том, что видела их Вейя, княгиня вольна сделать с ней что захочет. До Вейи сейчас и нет никому дела: отец неведомо где, а Годуяр... князь озадачен сейчас другим, про Вейю — родственницу свою — и забыл, верно. Если Любица узнает, что она тут с сотником толкует...

Вейя нахмурилась и бросилась в сторону, но сотник поймал, назад её дёрнул, локоть чуть сжав.

— Не торопись, Вейя, — прошептал.

Вейя задышала глубже, по сторонам огляделась, волнение всколыхнулось, к горлу подступив. Отовсюду слышался шум, да всё же далеко он был: где-то там, за стенами, гудели голоса, звенела сталь — никто не услышит, если даже закричит. И Далебор был разгорячённый ристалищем, что затеяли гридни, провожая погибших у крады[1]. Вот и глаза каре-зелёные, что так близко оказались, маревом туманным заволокло, и улыбка слабая быстро таяла на устах, твердела, как и пальцы, что вдавливались жёстче в локоть — не оторвать. Вейя вскинула подбородок, схлестываясь с взглядом Далебора в немой борьбе.

— Понравилась ты мне, Вейя, буду у князя тебя просить, — проговорил он сдавленно.

— Проси ту, которую в саду нынешней ночью брал, — вырвались слова сами собой.

Вейя резко вскинула руки, высвобождаясь. Далебор застыл, в камень превратившись, не успев осмыслить сказанное, как Вейя уже бежала от него прочь, дороги перед собой не различая.

Глупая. И надо же было такое сказать! Зачем? Внутри колотилось всё. Сквозняк, напленный прохладой вечерней, что по теням деревьев уж собираться начал, обдавал разгорячённое лицо. Вейя не заметила, как плат потеряла, что сбился с плеча, соскользнул наземь. Схватила было, да уже не вернуться. Взбежала на крыльцо, задержалась, скользнув взглядом по двору, выдохнула шумно, унимая дрожь в теле. Убежала, кажется. И что этому Далебору от неё нужно стало, когда сама княгиня на него взор свой положила? Просить её станет... Вейя хмыкнула, разве не он признания жаркие шептал Любице, покрывая её кожу поцелуями?

Вейя вернулась в светёлку, опять пустую — челядинки на гульбище все, то дело молодое — на глаза гридням всякая свободная да не замужняя девица спешила попасть. Вейя решила твёрдо, что не пойдёт на пиршество. Не место ей там, ловить холодный взгляд Любицы, да напряжённый — Далебора. Но чем гуще темнело за стенами, тем больше Вейя жалела, что всё же не пошла — знать хотя бы, какие разговоры происходят сейчас там. Потому Вейя отправила Миру, как только та вернулась из бани, наказав ей послушать, о чём говорят мужи.

Оставшись одна, Вейя долго бродила по светёлке, всё раздумывая, наблюдая, как тускнеет жёлтый свет догоравшей лучины, слыша доносившийся с детинца глухой грохот бубен да хохот девичий. Поскорей бы уж завтрашний день настал, переговорить с Годуяром и узнать, наконец, известия хоть какие-то, понять, куда дальше Вейе путь держать. Пока, кроме как к родичам своим в Сосновые Острожки, пути нет. Там и сестра матушки. Правда, в Канугарах князь Белотур — тоже родич — держит острог. Вот бы к нему попасть...

Вейя даже гребень опустила, посмотрев перед собой — настолько мысль стремительная осенила. Далебор ведь говорил, что Годуяр в Каручай направится на сборище общее. Вот бы с ним туда отправиться, наверняка Белотур там будет тоже! Но тут же Вейя плечи опустила, положив гребень на стол. Что она может сделать, что в её силах? Девку, пусть не простой крови, кто слушать станет?

Так и не дождавшись челядинку, Вейя с тяжестью на сердце легла, уставившись в бревенчатый потолок.

— Макошь-матушка, поскорее проясни всё, прошу — лишь бы отец живым был, а больше мне ничего не нужно, — Вейя прикрыла веки.

Трудно дом потерять и опору надёжную. Вейя и не представляла, что настолько будет тяжело выпасть из гнёздышка да под чужим крылом оказаться. А ведь Гремислав обещал не разлучаться никогда...

Проснулась Вейя с трудом, вставать вовсе не хотелось, всё лежала, щуря глаза на ослепительный свет — око огненное только поднималось из-за лесов, заглядывая в оконца. За дверью топот и перекрикивания челядинок поднялись, пробуждая Вейю совсем. Едва только умылась в остывшей за ночь воде, как вбежала в горницу Мира. И где её только носило всю ночь? Хотела бы рассердиться да расспросить обо всём, но девка, отдышавшись, поспешила сказать:

— Князь велел в гридницу тебя просить.

Грудь словно сжалась, и сердце биться, кажется, перестало.

Вейя бросилась собираться, торопливо стягивая с себя сорочку, да исподнее надевая, позволила Мире собрать её как следует: надела платье — хоть не праздничное, но видное, в каком не стыдно перед князем показаться. От волнения всё из рук валилось — пальцы дрожали, не слушались — не могла тесьму завязать путём, хорошо, Мира помогла и волосы сплела в тугую косу, и очелье повязала, украшенное кольцами витыми. Эти кольца отец привёз с торговой горды. Он одаривал каждый раз дочь, как приходил из походов дальних, всегда привозил Вейе что-то: то обруч, то бусины сердоликовые, то отрез ткани дорогой на платье.

Собравшись, Вейя вышла во двор. Дитинец после вчерашнего гульбища тонул в тишине. Рассвет золотил высокие кровли вежей да верхние ярусы срубов. Вейя шла быстро по мощёной брёвнами дорожке и уже вскоре оказалась в брюхе душной гридницы. Конечно, празднество продолжится, и уже скоро начнут просыпаться гридни, сначала разбредутся кто на реку, кто в баню, да вновь костры будут жечь, распивать братчину и гулять дальше. И ей бы вместе со всеми, но Вейя от этого общего веселья оторвана. Пока не узнает, что с Гремиславом и где он — не успокоится.

Вейя, затаив дыхание, прошла по сумрачному переходу, всё больше ловила голоса, исходявшие из нутра гридницы. Она и в самом деле оказалась не пустой: князь сидел в окружении мужей за длинным крепким столом, среди них и Далебор. Вейя сглотнула — уж кого, а его не ожидала видеть, хотя стоило подле князя его самым первым встретить. Пospешно отвела глаза, понимая, как опрометчиво проговорилаcь вчера.

— Здравствуй, князь, — почтила Годуяра, когда тот повернулся, заметив вошедшую в двери девушку.

— Тебе по добру. Проходи, не стой на пороге, — позвал, отделяясь от остальных, прошёл на другой конец стола.

Вейя прошла вглубь, проследовав за князем, на лавку опустилась, ощущая на себе душащий взгляд зелёных глаз сотника. Годуяр опустилcя в кресло дубовое, на Вейю перевёл взгляд, посмотрев с большим вниманием. И всё же она видела сходство родства, хоть и далекое и не сразу заметишь, а оно всё же выделялось: и нос прямой с узкими крыльями выдавали род в нём древний, и волосы чуть выющиеся тёмно-каштановые, взгляд пронзительный, складка тонкая меж бровей только суровости и остроты его лику придавала. Князь в самой своей силе, Далебор всего чуть младше его, но всё равно разница заметна.

— Вчера на пиру не видел тебя, Любица сказала, нездоровится?

Вейя моргнула, краем глаза замечая, как пошевелился Далебор, и воздух до того сгустился, что Вейе и дышать нечем стало.

— Сегодня лучше уже, — выдохнула.

Князь, усевшись в кресле удобнее, выжидаяще помолчал, смотрев на Вейю холодными синими, как лёд, глазами.

— В Годуч ныне дороги нет, туда ты не возвернёшься теперь. Гремислав... Не жди его... — сказал.

И Вейя, как ни храбрилась, а всё равно дыхание перехватило — не готова была такое услышать.

— Что случилось? — не оступилась, желая знать всё.

— Он с дружиной к Тургайской гряде отправился. И оттуда... не возвратился... — князь помолчал, стылые, как зимние колодца, глаза всё буравили Вейю.

Тишина по слуху ударила плёткой, что зазвенело в голове, даже мужи притихли.

— Полегли там многие... Но ты не горюй вперёд времени. Гремислава среди тех, кого привезли на телегах, не оказалось.

Неужели... Полонили? Худшего Вейя и представить не могла. К горлу подкатил ком. Нет, не может этого быть! Но мысли страшные завертелись против воли, утягивая Вейю куда-то в пропасть, не могла вздохнуть толком.

— И как понимать должна, — продолжил князь, — сейчас время беспокойное, идут к нам хазары, тут уж догляд нужен будет во всём. Заботы ныне тяжёлые. Думал я тебя отправить к родичам сестры своей, но... что ты там делать будешь одна... — Годуяр склонился, локти на стол положив, на Вейю внимательно взглянул. — Жив Гремислав или нет — не знаю, Вейя. Потому решил я, что ты со мной в Каручай поедешь. Жизнь твою устрою, чтобы под защитой была надёжной.

Вейя опустила взгляд, рассеянно посмотрев перед собой, невольно припоминая слова волхвы. В беду всё же попал Гремислав. И о какой судьбе её может быть речь, когда... Вейя вздрогнула, приходя в себя. Она поедет в Каручай. Должна.

— Хорошо, — кивнула, соглашаясь с тем, чего она хотела сама, — воля твоя.

Князь отпрянул от стола.

— Будь готова, утром следующего дня покидаем Кряжич.

Глаза Годуяра будто потеплели немного, и Вейя ощутила заботу к ней — верно, Годуяру жалко её стало. Влажно сделалось глазам, что стены поплыли.

— Я пойду. Благодарю, князь, за заботу... — с трудом проговорила — сковало во рту язык, Вейя сглотнула, проталкивая вставший в горле влажный ком.

— Ступай, — не стал держать.

Поспешила подняться, да невольно глянула в сторону тихо разговаривавших мужей, напорвшись взглядом на Далебора. И дрожь по спине прокатилась от взора его пристального. Вейя отвернулась тут же, вышла из-за стола. Слышал всё сотник, что князь решил, он к ней теперь и приблизиться остережется — хоть трусливым не казался, да всё же жизнь дороже — что если Вейя ненароком расскажет всё князю?

Вейя покинула гридницу, спеша скорее скрыться от глаз Далебора, что так стыло прожилгал её до самого порога. Шла, стараясь сдерживать слёзы, но всё чаще проводила ладонью по щекам, стирая мокрые дорожки. Как только вышла к женскому стану, остановилась на перепутье. Возвращаться в стены не хотелось. Подняла голову, взор обращая в чистое небо, утопая в синеве, озарённой утренним светом, силой звеневшей. Что теперь будет — только одним богам известно. Вейя вдохнула глубоко, наполняя грудь воздухом ещё холодным, развернулась и к воротам направилась. Нужно известить Доброраду, что покидает Кряжич, доведётся ли увидеться ещё с волхвой — неизвестно.

Знакомой, усыпанной хвоей дорожкой, Вейя добралась к избе быстро. На этот раз нашла волхву у сруба.

Доброрада, обряд творя, стояла возле костра, что разожгла в чаше. Женщина обернулась, услышав шаги позади себя, прочертила посохом по земле, что-то проговорила, а потом поманила гостью подойти. Вейя приблизилась, смотря на потрескивавший огонь.

— Пришла, сказать... — начала Вейя, поворачиваясь к женщине, что смотрела на девушку спокойно, — завтра в Каручай отправляюсь вместе с князем.

— Знаю, — отозвалась волхва, — теперь нить судьбы туда тянется, не послушала меня, теперь не изменить — решение князь принял, назад не заберёт, а ты не воспротивишься...

Вейя сомкнула губы, что подрагивали всё сильнее.

— Мне нужно туда. Годуяр сказал, что среди мёртвых его нет, значит...

— Задумала что?

— А как я могу оставить? — повернулась резко Вейя. — Я его кровь, она тянет, зовёт, и чувствую, что худо Гремиславу. А я что, забыть его должна? — Вейя задышала тяжело, слёзы всё накатывали и накатывали.

— Сильно он тебе теплоту и любовь отцовскую давал... — покачала головой волхва, — прикипела сердцем к нему. Но как ты помочь ему собираешься? Что можешь сделать ты?..

Чем больше говорила Доброрада, тем горше становилось, понимала, что права она, что бессильна совершенно Вейя помочь, сделать что-то не может, и от того ещё скверней становилось на сердце. Доброрада чертила по лицу Вейи взглядом острым, будто выискать что-то всё хотела.

— Попроси богов за меня, Доброрада, — выдохнула только Вейя.

Взгляд волхвы застыл.

— А тут и просить не нужно. Поезжай в Каручай, всё само сложится. Говорила, что узелок Макошь завязала. Туго завязала. А как ощутит вкус крови, тогда уже пути не будет назад — свяжет она тебя крепко, и метка та...

Наставления всколыхнули в груди ещё большую тревогу, по плечам зябь прошла, хоть жар от костра обдавал. И отчего-то спрашивать о том не хотелось больше.

— Что мне сделать нужно, к кому обратиться, чтоб помогли?

— Сама всё поймёшь, как придёт время, — отвернулась Доброрада и, кажется, не рада была чему-то, только говорить не хотела.

— Спасибо тебе за всё... — сказала Вейя, отвернулась и отступила, прочь уходя.

— Подожди...

Вейя остановилась. Волхва поравнялась с ней, долго смотрела на девушку.

— ...Требы принесу, чтобы боги тебя оберегали. Выбирай сердцем, как бы больно тебе ни было, как бы сложно ни казалось — сердце тебе всё подскажет...

На глаза вновь влага набегала. Привыкла Вейя за эти дни к Доброраде, хоть та чёрствой себя неставляла, а всё же тепло и спокойно рядом с ней было. И жаль Вейе расставаться, а приходилось. Видимо, так суждено, что Вейя вновь теряет, и сколько ещё потеряет — то узнает ещё.

Вейя уходила от займища волхвы быстро, не оборачиваясь, ощущая, как твердело в груди...

Как встали на стойбище и развернули майханы[2], дайчины по приказу Тамира уже тащили телёнка, взятого в лесной общине полян, чтобы отдать его в жертву за спокойную дорогу без лишних потерь. И всё же многие отважные воины на зимовище не вернутся. Но есть и те, кто примкнули к кочевью. А ушли хазары в кочевье из Атрака, как только начала открываться земля. Едва минули Переволоку, во многих сражениях успели побывать, неуклонно устремляясь до русла Варуха. И сейчас много вспоминалось, хоть путь Тамира ещё был не окончен. Не ждал, что князь поляновский станет помощи у него просить да зазывать в свой чертог. Хотя Тамир собственными глазами убедился, как взъярился враг, набрасываясь, что пёс голодный, остервенелый, на земли западные. Сильно, видно, княжество потеснили, раз послал за ним дружбы и мира искать.

Всё чаще встречались на пути рощи. Всё теснее становилось отряду, так что стрелу уже не пустить да не проследить, куда та улетит. Для становища выбрали луг на берегу неширокой реки, на возвышенности, у крепкого высокого могучего деда-дуба, что вырос здесь, словно назло ветрам, на радость чужакам, что пришли с сухих степей, приняв под узловатые ветки — то сам Тенгри-отец покрывает, даруя покровительство. Добрый знак.

Бык взбрыкнул и обмяк, полилась густая горячая кровь на землю, загрохотали бубны, восславляя великую волю Тенгри, и неважно, что в чужих краях, под небом — под волей его все равны. Буйно запылал, взревел жертвенный костёр, взметнулся под самые ветви, листья опаляя жаром, озаряя крону. Понял Тамир, что высоко взобрался в нынешнее кочевье, давно не забирался так далеко от родных степей, и всё чаще вспоминал мудрость своего отца хана Ибайзара — чем выше поднимается величие, тем глубже должны быть корни. Мудрость эта крепким зерном осела в Тамире, а с этой Хавар[3] не давало покоя и всё сильнее горело под сердцем...

Тамир, щурясь на дым, неотрывно смотрел, как пляшет дикое пламя, как бьётся оно неумно, ощущая, как дух огня вливается в его тело, бурлит в жилах, толкаясь горячими потоками в предчувствии побед или поражений — то воля Тенгри-хана, хоть где-то в глубине на меньшее Тамир не согласен. Мужики пустили по кругу братчину, потянуло по лугу дымом, собираваясь в ложинах влажных росистых, повеяло жареным мясом и варевом из котлов, привлекая духов да живность лесную, какой наполнились чащобы — здесь она была другой, не такой, как в степях просторных и на дорогах. Давно, а может, ещё ни разу не чуяла она запаха снеди.

Трудный был путь до сени поляновских лесов. Диких, первородных. Лишь попадались деревеньки, к которым Тамир приказал не примыкать, народ мирный не тревожить — не каждый рад чужаку. Хотя они сейчас на виду: горели повсюду костры, шумели воины, праздная после стольких боёв. Весело визжали женщины где-то в середине становища, слышались мужицкие хохоты, разгорячённые после распитого рога полынянки[4].

И всё же Тамир даже в этой глуши следил за всеми, настороженно поглядывая на серебристую ленту, тонущую в вечернем горячем мареве. Непривычные места, даже не видно, где огненное око касается земли — чтобы взглядом проводить, нужно выйти туда, где попросторней. От того тесно было внутри и беспокойно.

— Тебе бы тоже отдохнуть, — отвлёк Тамира Итлар, брат по оружию и верный друг. — До княжества Каручая далеко, с ещё одной ночёвкой, если поторопимся.

Тамир допил остатки питья, оторвав взгляд от окровавленной бычьей головы, что повесили на крепкий сук. Развернулся к Итлару, глянув в сторону стойбища.

— Отдыхать и пировать станем, когда вернёмся на зимовье, — ответил Тамир, оглядывая Итлара — и хоть тот пил наравне со всеми, а взгляд оставался твёрдым, пусть и шало поблёскивали тёмные глаза. И всё же посерьёзнел Итлар. — Но ныне и правда сам Тэнгри велел, — глянул Тамир на величественный дуб, повернулся к воину опустил руку на широкое плечо, — пойдём.

К общему костру один за другим, расправившись со своими делами, подтянулись и ближники. Тугуркан — могучий воин с зорким, как у сокола, взглядом. Аепа, хоть и седина морозными нитями пронизала узкую броду, а всё так же тяжёл его удар, силен дух в его крепком теле, словно время над ним не властно. Сыгнак — бесстрашный и грозный, как беркут, он-то первым и пришёл со своим племенем к Тамиру, дал клятву верности на крови. И ещё много других, что сейчас заняты были ночёвкой. Со многими Тамир плечом к плечу бился, получая боевые раны, во многих он уверялся крепче, в иных только заметил отвагу и храбрость.

— Разобьют, едва мы войдём в княжество, — погладил угольные усы Сыгнак.

Тамир поднял чару, намочил язык хлебным квасом.

— Не бухти, Сыгнак, видишь знак добрый — в запазухе у самого Тенгри, — оборвал его Аепа. — Им сейчас не резон наживать больше врагов, сам видел, какая тьма творится на Переволоке.

Ярко припомнил Тамир недавнюю сечу — самую кровавую, пожалуй, из всех. Многие, кто переправлялся через реку, так и остались, пробитые стрелами, окрашивая воды великого Итиля. Там Тамир приобрёл много добра, да и потерял немало.

— Мир с князем полянским как ни поверни, а нужен, — Тамир прищурился на дым, — много выгоды в том, коли два племени плечом к плечу встанут, силы объединят, против врага стеной несокрушимой пойдём. Ко всему зима приближается, своих припасов из-за творящегося кровопролития не так много соберём. И коль скоро будет продолжаться такое... — Тамир смолк, оглядел, задумавшихся каждый о своём мужей, а рядом всё громче рокотали бубны, всё зычней гремели голоса воинов, собравшихся вокруг боровшихся противников, что мяли друг другу бока, пока один из них не ляжет на лопатки. — Ну а если князь что злое против задумал и станет чинить — не умру, пока не отсеку ему руки, пусть слышит мои слова Тенгри-хан.

Мужи замолкли, нисколько не сомневаясь в словах кагана Тамира. Каждый из них знал, что данное им обещание будет сдержанно.

А после много разговоров и споров было, много крепкой браги лилось в этот вечер, много Тамир выпил, да всё не мог до конца тиски разжать: всё же в землях чуждых он словно арканом задушен — нет простора, в любой миг всё ждал подвоха. Но всё было спокойно кругом, далеко по берегу уносились в вечернюю глушь обрывки и смех грубой хазарской речи. Всё жарче полыхали костры, душной становилась ночь, и яростней обрывались голоса. Кровь горячими толчками ударяла в виски так, что слишком лёгкой становилась голова, разгорячая мышцы и

разум. И лучше остановиться — на оплошность Тамир не имел права, столько людей под его крылом.

Хазарич поднялся со шкур, оставляя пиршество, что продлиться ещё до самого утра во славу и усладу богов, обвёл взором становище раскинувшееся, доходившее почти до самого русла. Откинув полог, вошёл в освещённый одним пламенником майхан, распоясался, стягивая липший к спине кафтан. И хоть был пьян, а услышал тихое шевеление сбоку, тень лёгкая скользнула к нему. А после горячие женские руки легли на плечи.

Запах трав и цветов полевых оболочек Тамира, разлился сладостью по горлу, опускаясь в грудь знакомой тяжестью, проник в самую кровь, взбудоражив так, что закаменела плоть, отзываясь на лёгкие, горячие прикосновения полянки. Она прильнула к нему телом своим, дрожала вся. Горячее дыхание опалило спину меж лопаток, а следом влажные губы оставили след на коже, пуская к животу жаркую тугую волну. Тамир, сжав зубы, развернулся резко, перехватив девушку, притянул к себе так стремительно, что она и не поняла, как оказалась в его плену. Прижалась мягкой грудью с твёрдыми вершинками, задрожала сильнее. Глаза не напуганные: давно в них угас тот испуг животный, когда Тамир перехватил её у кангаров, что везли на торг вместе с остальным награбленным добром. А после он не выпускал её из своего майхана, сминая белые крупные бёдра, брал горячо и жадно каждый раз. До сих пор не знает имени её, да ему и не нужно — что нужно, он брал. И сейчас особо остро хотел погрузиться в упругое влажное лоно, врываться и владеть.

Тамир сжал тугие жаркие под льняной рубахой бёдра, пронёс её до выстеленного ложа, смотря в серо-голубые, как почти у всех полянок, глаза, в которых чуть подрагивал росами блеск, да всё же будто заволочло их тяжёлым туманом, утягивая Тамира в пропасть. Полянка всхлипнула глухо, когда он, собирая в горсти блестящие огненные, словно языки пламени, пряди, ворвался в неё, задвигался резкими толчками, вбиваясь в податливое тело, сжимавшего его изнутри тугим захватом. А поймав её полные губы, сладкие, как мёд, распалился ещё больше, выбивая из неё стоны толчками, такими резкими, твёрдыми, что полная грудь с красными, как маки, тугими вершинками всколыхивалась, привлекая Тамира накрыть их ртом...

И когда он проснулся, в приоткрытый полог струился щедрый свет — уже в самом разгаре утро. Прислушался, но в становище тишина стояла — после гульбища то дело обычное, отдых каждый заслужил. Тамир приподнялся выйти из тесного укрытия, пропахшего солью пота и жара, тревожа рядом спавшую полянку, вспомнив, что брал её всю ночь. Волосы полянки мягким блестящим ковылём разметались по постели, тело молочное в сумраке майхана чуть светилось тускло, вызывая в Тамире новую волну жара, что опустилась в напряжённую после пробуждения плоть.

Она потянулась к нему, обхватывая ладонью его шею, положила лениво подбородок на плечо, сонно смотря на Тамира из-под тяжёлых чуть подгоревших от беспощадного степного солнца ресниц. И чем ему нравилось с ней — то загадка, их женщины ничуть не хуже, а в чём-то даже и лучше: крепкие, выносливые, и бёдра крутые, за которые только ухватиться, и жарче они в постели как угли — в руках не удержать, обожжёшься. Но уже не одну он успел распробовать полянку, как появилась эта лисица в его кочевье, а всё равно каждый раз чужачка оказывается рядом с ним.

Девушка, огладив его грудь, ладонью под меха скользнула, проведя по тверди. Губы полянки, размякшие от сна, чуть дрогнули в полуулыбке. Тамир притянул её, закидывая стройную ногу себе на бедро, сажая её наездницей. Полянка нависла над ним, упали мягкие пряди на грудь Тамира, огладив прохладой, поцелуй девицы, что клейма, жгли кожу, опускаясь всё ниже к поясу, но полянка вдруг замерла, а следом прошлись пальчики по коже там, где был

след. Сошлись росчерки бровей на переносице девицы, а потом удивление отпечаталось на лице полянки, насторожило её увиденное.

Отметина эта с самого отрочества Тамира, и как вспоминал о ней, гарь палёной плоти вставала в плотке, отдавалась в грудь тупой болью — помнил отчётливо, ни на миг не забывал, что однажды отметина эта сохранит ему жизнь или погубит за то, что не достоин он называться потомком Ашина[5], и всё потому, что родила его наложница отца, что родом из племени чужого, куда Тамир и прибыл ныне. Сняв бёдра полянки, Тамир чуть приподнял девушку, плавно насадив на себя, проникая с напором в жаркое тугое лоно.

Полянка ахнула бессильно, поддалась вперёд нагибаясь над ним ковылём гибким, обхватив его шею, задвигала бедрами, насаживаясь глубже, раскачиваясь, выдыхая жаркие стоны, опалая губы Тамира... Волны наслаждения бурно забились по телу, подкатывала к самому горлу, вынуждая мышцы натянуться, скрутиться верёвками. Тамир зарычал в её губы от нетерпения, сжал сильнее, впиваясь загорелыми пальцами в белую плоть, пронизывал непрерывно, выталкивая из горла девки сладкие слуху стоны. Полянка зажмурилась, глотая мелко воздух, откинув голову назад, открывая взгляду Тамира белую длинную шею, разбрасывая по бёдрам и коленам мягкие волосы. Тамир вонзался в её влажные мягкие складки, оглядывая её сочное, гибкое, молодое тело, окутанное зеленоватым светом утра, пока не вошёл так глубоко — до самого упора, сжав мягкое тело в руках, продолжил резкими толчками всаживать налитую твёрдым камнем естество, пока не взметнулись в груди огненные вихри, опрокидывая Тамира в бурлящий поток. Удовольствие тугими толчками разнеслось по телу, не отпуская долго, словно он оказался под не прекращавшимся ливнем, что оглушил на время.

Полянка бессильно обмякла, упала на его грудь раненой птицей, прижавшись влажным мягким животом к его мускулистому животу, ещё подрагивавшему судорожно. Оставался в ней, наслаждаясь узостью её лона, что теперь заполнилось его семенем. Тамир, сглотнув сухость, приоткрыл веки, огладив мягкие округлости ниже поясицы девушки, вновь смял, вдавливая пальцы, ощущая тугой захват, что разогнал по телу остатки томления.

— Как твоё имя? — спросил на чужом, но всё же уже достаточно разученным и узнаваемом за три кочевья языке, и всё равно выговор слов не давался Тамиру чисто.

— Огнедара, — ответила с дрожащим выдохом. Голос Тамиру понравился её, мягкий чуть глубокий, спокойный.

— Забудь его, теперь твоё имя Унэг — лисица.

Тамир обнял её, укладывая рядом, поднялся, пройдя к поклажам — особо не развернёшься, запуская руки в ледяную воду чана, омыл шею лицо, смывая марь. Залёживаться нет времени, и пора стойбище поднимать да в путь готовиться, вспомнить, куда он ныне направлялся.

На улице и впрямь гомон поднялся. Тамир, накидывая на плечи кафтан, вышел из майхана, оставив томиться в утренней неге лежавшую на шкурах Унэг. У костра что-то творилось, послышался резкий оклик Тугуркана.

Тамир выдернул хлыст, сжимая его в кулаке направился к костру, возле которого всё больше хазар собиралось. Навстречу ему уже шёл Сыгнак.

— Местные пришли, — доложил он на ходу, — требуют, всё что-то, — ухмыльнулся Сыгнак, положив ладонь широкую на рукоять палаша, — видно вчера костёр наш заметили.

С каждым шагом напрягались мышцы в сталь обращаясь и дыхание становилось горячим в груди врываясь резче. Тамир расправил хлыст, сколько же дерзости нужно иметь чтобы прийти в становище. Не испугались.

Воины расступились, пропуская хазарича. Все кругом попритихли, как только Тамир предстал перед теми, кто вздумал покой степняков нарушить. И надо признать удивлён был немного, когда увидел перед собой двоих мужей, и кучку других поляничей чуть позади,

что оружие хоть какое, но прихватили. Говорить вышли седобородый старец и муж покрепче моложе, но он за спиной его стоял, не смея вылезать вперёд. Взгляд его полные гнева врезался в дайчанов, что окружили толпу, коли те всё же задумали что-то. Древним старец всего лишь казался на первый взгляд — под белой рубахой, покрытой по рукавам и подолу вышивками из красной нити словно кровью запачканные, вполне крепкое тело, ещё хранившие силу, глаза острые на узком, заросшей бородой длинном лице, смотрели зорко. Старец, как вышел к ним Тамир, шагнуть чуть. Он ничем от обычных поляничей не отличался, кроме как тем, что на покато́й груди висели различные подвески из железа, зубья волков, когти, мешочки какие-то, наполненные то ли землёй, то ли травами, а может и ядом, то Тамир не знал. Впрочем, много побрякушек всяких висели и на его поясе, и на посохе целыми связками, что крепко старец сжимал в жилистых, обвитые синими венами пальцах.

— Что привело тебя сюда, почтенный? — заговорил Тамир первым, в его племени старики чтили выше всего, даже чуть больше, чем самого кагана, если тем доводилось дожить до таких лет, в котором был полянич. Степь, особенно в нынешнее время, забирала мужей рано.

— И тебя приветствуем мы, чужеземец, — в свою очередь ответил старец, когда как мужик вонзали, словно топором взгляд в хазарича. Верно не искал всё добра, но Тамир добрым и не был, к тем, кто дерзить с ним позволял больше дозволенного, а непотребство к себе не позволит в каких-бы краях не оказался.

— Я старейшина общины этих земель, моё имя Белояр, — Это Колояр — кузнец наш, — указал на сородича, — не посчитай за дерзость, но пришёл я к тебе хазарич... спросить... — старик смолк, Тамир проследил едва уловимым взглядом Белояра в сторону раскинувшегося, где вчера был поднесён дар богам бык, по-прежнему висела подсохшая голова на суку. И, верно вызвал смятение у пришлых — вон как ноздри вздрагивают, да начал зыркать по сторонам кузнец.

— ...Прошлым вечером, девица наша пропала, — продолжил Белояр, — должна она была от знахарки прийти, да так до избы своей не дошла... Коли у тебя она — отпусти, наша родная кровь она...

Тамир перевёл взор на Аепу что стоял рядом, лицо война твёрдое как камень, он лучше всех понимал речь полян — вразумил, что требует старец, да не сильно ему это понравилось. Как и Тамиру. Аепа покачал головой, давая понять, что никакой девице из общины здешней в становище нет. И не должно быть, коли Тамир не позволит.

— Просьбу твою я услышал, старейшина, — вернул взгляд на Белояра, Тамир, отвечая не чисто, да каждое слово звучало твёрдо, — но, никакой девицы в нашем стане из твоей общины нет. Ищи её в другом месте.

Сошлись густые брови на переносице старейшины, прочертилась на лбу складка глубокая, делая лицо резче, старше, задеревенел весь словно тот дуб что стоял на возвышенности. У Колояра же, взгляд потемнел, заходил напряжённо кадык. Видно его пропавшая девица была.

— Забирай своих сородичей, старик, и моли своих богов, что живыми вернётесь в свой стан.

Тамир смолк, обрывая себя на полуслове, но видит Тенгри в другое время, если бы не собирався с князем согласия и мира искать, не так бы разговаривал.

— Отдай девку, ты! — шагнул быком на Тамира Колояр.

Да застыл, как Тугуркан взмахнул, оголив с глухим шелестом саблю со скоростью ветра к толстой шеи мужика приставил. Остальные было дёрнулись да тут же к глоткам, сверкающие в утреннем свете широкие лезвия палашей подпёрли, обездвижив. Тишина гулкая разлилась сразу по становищу. Тамир шагнул к Колояру, вглядываясь в лицо общинника.

— Что тебе отдать, полянич? Сказал, что нет тут никого, за своих людей я отвечаю — проговорил сбивчиво — внутри колотит всё, от гнева, разносясь по телу дрожью, речь рвал,

смешивая слова, — или не знаешь с кем говоришь... я Тамир, сын кагана Ибайзара, хозяина степей. А ты, кузнец, ступай делай своё дело и за девкой своей смотри лучше, как вернётся она.

Общинник лихорадочно сглотнул, намереваясь что-то сказать да передумал, стиснув зубы до подрагивающей на щеке жилы. По лбу полянича пот на глаза тёк его уже бить начало злостью, да ничего сделать не может против. Кровь из-под лезвия сабли струйкой стекала за ворот рубахи льняной, окрашивал пятнами алыми, смешиваясь с вышивкой, делая её ярче. Одно только слово Тамира и голова с плеч.

— Пощади его, хазарич, — спокойно попросил старейшина, — он не за себя так одного заступается, за род весь, много смертей в нынешней год, тати нападают, убивают.

Тамир глянул на Белояра потом вновь на кузнеца, поднял руку резко ткнул концом рукояти хлыста в грудь его, тот назад качнулся едва равновесие не потеряв, поморщился, вскидывая в русой поросли подбородок. Не достоин червь этот от руки его умереть, слишком много чести. Коли язык не укоротит смерть его сама сыщёт.

— Я, не караю без вины, старич, — сказал, теперь слова нужные языка чужого находились быстро.

Теперь Тамир встал перед Белояром, расставив ноги, вглядываясь серые как дым глаза старика, что оставались такими же твёрдыми — не пробить так просто. Но всё же другие, поглядывая на блестящие под подбородками лезвия, поокоротили пыл. Вражду среди местных сейчас затевать не на руку Тамиру. Хоть и не знал ещё сговориться ли он с князем поляновским. Тамир дал знак Тугуркану убрать сабли, да вдруг невольно зацепился за сверкнувшим костром голову Унэг, что мелькнула и затерялась сразу среди воинов.

Тамир ухмыльнулся. Не вышла, стало быть не хочет проситься назад к своим.

[1] Крада у славян — это жертвенный огонь, который может быть как погребальным костром, так и пламенем на храмовом алтаре.

[2] Майхан — монг. палатка.

[3] Хавар — монг. весна.

[4] Польнянка — горькая настойка на полыни.

[5] Ашин — (по-монгольски) «благородный волк»: по-монгольски, волк — шоно или чино, а по-тюркски, волк — бури или каскыр.

Глава 4

Тамир глянул на Белояра, потом вновь на кузнеца, поднял руку, резко ткнул концом рукояти хлыста в грудь его. Тот назад качнулся, едва равновесие не потеряв, поморщился, вскидывая в русой поросли подбородок. Не достоин червь этот от руки его умереть, слишком много чести. Коли язык не укоротит, смерть его сама сыщется.

— Я не караю без вины, старич, — сказал, теперь слова нужные языка чужого находились быстро.

Тамир встал перед Белояром, расставив ноги, вглядываясь серые, как дым, глаза старика, что оставались такими же твёрдыми — не пробить так просто. Но всё же другие, поглядывая на блестящие под подбородками лезвия, поокоротили пыл. Вражду среди местных сейчас затевать не на руку Тамиру. Хоть и не знал ещё, сговорится ли он с князем поляновским. Тамир дал знак Тугуркану убрать сабли, да вдруг невольно зацепился за сверкнувшую костром голову Унэг, что мелькнула и сразу затерялась среди воинов.

Тамир ухмыльнулся. Не вышла, стало быть, не хочет проситься назад к своим.

Кузнец сглотнул туго, ещё больше оцетинился.

— Зря ты пришёл, старчий, если бы и замышлял я чего, то ты бы ещё вчера о том узнал, на своей бы шкуре испытал. Но смелость твою признаю, поэтому отпускаю тебя и кузнеца твоего.

Белояр сузил глаза, загустилось в них сомнение тучей — не верил.

— Ты не сильно хозяйничай здесь, твой дом степь, а здесь ты гость всего лишь, — всё не унимался кузнец.

Тамир глянул на друга Итлара, что стоял всё это время подле него, скрестив на груди в кожаных наручах руки.

— Где мне хозяйничать — то я буду решать, и не ты мне будешь указывать.

Тамир взглядом подал знак Солбару. Тот немедленно подступил, сгрёб рукой за шиворот Колояра, пихнул прочь. Тот ошалело да уже без особо пыла посмотрел на хазарича, зубы сжав, обиду и злобу тая. Тамир вновь перевёл взгляд на старца.

— Ныне я тебя отпускаю, ступай прочь, — Тамир шагнул, протянул руку, срывая с шеи старика круглую, как шеляг[1], подвеску, — но если выйдешь ты или твои дети и внуки в степь траву топтать, попадёшься на моём пути — я припомню его слова, старич, припомню то, с чем ты пришёл ко мне ныне. И отвечу тем же.

Старик всё щурился, по щеке морщинистой судорога прошла, он смолчал — вот и пусть глотает. Тамир отвернулся, кивнув Тугуркану. Воины двинулись в сторону поляничей, тесня их прочь уйти из стана, толкая взащей, чтобы поторапливались. Тамир, проводив свору взглядом, хоть всё ту же скручивались внутри огненные вихри, повернулся, направляясь вглубь становища.

— Собирайте майханы, пора в дорогу, — отдал приказ на ходу, откинул хлыст на сложенную на телегах поклажу, подхватил один из кувшинов, наполненный квасом, отпил, сделав два глотка, унимая жажду.

— Кажется, полянички надолго запомнят эту встречу, — хохотнул Итлар, — нужно было всё же голову ему отсечь.

Тамир с укором глянул на друга.

— Мы не воевать сюда приехали, Итлар, помни это и когда в княжество приедем.

С лица того улыбка стёрлась.

— И здесь кангалы разбойничали, — перевёл сразу разговор в другое русло Итлар.

Далеко те забралась, ещё прошлое кочевье о них только на западе говорили, а теперь до самого Варуха, стало быть, добрались. Сильно же они окрепли. И знать бы, кто этих волков, что не имеют род, за которым стояли бы они да ответ держали, но у них даже тагмы[2] нет своей.

Тамир невольно подумал о том, кого ещё как пять зимовье Ибайзар изгнал из каганата. Аргуна, хоть тот был старшим сыном ему. Только с того мига сыном перестал называться, после того как замыслил отравить отца. Много он чести подорвал среди своих братьев, в том числе и Тамира. Хотя Тамир тоже вызвал много пересудов, оправился к устью Варуха, где столько крови льётся, против воли отца.

Итлар вдруг вскинул взгляд, хищно сузив чёрные глаза, усмехнулся в негустые усы. Тамир проследил за его взглядом, повернулся, вылавливая среди сновавших по становищу в сборах воинов полянку.

— Не надоела тебе ещё, гляжу, добыча твоя? — спросил Итлар, отпивая из кувшина.

Лисицу в отряде никто не смел трогать, каждый знал, что принадлежать она может только Тамиру, пока не пресытится ею. И этот миг всё не наступал, удивляя самого Тамира не меньше. Каждый свободный воин уж облизываться на полянку эту рыжекосую, давно начали.

— Хочешь, чтобы я тебе её подарил? — спросил Тамир не без издёвки.

Итлар едва не поперхнулся, отставляя кувшин, утирая рукавом чёрные усы, глянул на Тамира хмуро.

— Чего я лишусь после этого?

Тамир рассмеялся.

— Если и надоест мне, лисицу отдам тому, с кем она сама захочет, — ответил Тамир, продолжаясь усмехаться.

— Вряд ли, — хмыкнул Итлар.

— Ладно, хватит о пустом судачить. Нужно до обеда добраться до протоки успеть.

Тамир отступил, оставляя друга, необходимо ещё раздать поручения дайчинам — войнам, которые впервые отправились в кочевье.

Покинуть берег так быстро всё равно не вышло — раскачивались долго, собирались ещё разморённые со вчерашнего гульбища, хоть и приободрённые приходом местных, воины. Пока взнуздали лошадей и водрузили тяжеловесные поклажи на телеги, прошло ещё время. Да всё же вскоре отряд тронулся в путь, приминая зелёный шёлк травы колёсами и копытами лошадей, двинулись вдоль берега. Незаметно набежали кудлатые тучи, да всё равно духота стояла, что по спине к поясу пот стекал ручьём, и только спасал речной ветерок, что иногда струился с глади воды, обдавая свежестью.

Тамир мыслями вернулся к Унэг, которая, как и обычно, спряталась в одну из крытых повозок. Лисицу ему придётся рано или поздно отдать. Ещё ранней весной, едва только Тамир покинул дом, отец заговорил о невесте, что уж давно ему подготовил.

Войны всё осматривались, многие из них в этих краях впервые, Тамир и сам не забирался в полесье так глубоко. То ли дело степи, где многие родов в его власти, где знал он каждый взгорок, каждую реку, что испещряла степь.

Тучи стелились низко и всё плотнели, серели — того и гляди хлынет дождь, хоть и духота стояла, но мокнуть вовсе не хотелось. Да всё же нахлынул ветерок, расталкивая тяжёлый, так, что дышалось с трудом, воздух, взлохматил высокую траву да кроны редких молодых деревьев, раскатываясь прохладой желанной по груди. Сладкий был здесь воздух, сытый зеленью, глотать его тяжело. Но не успел отряд отойти от стойбища толком, как загредел где-то в утробе неба гром. Сам Куар[3] грозил пустить свои огненные серебряные стрелы на землю, разогнать злых духов.

— Кажется, хлынет сейчас, — проговорил Тургай-дайчин, задирая подбородок, окидывая взором утробу.

И не то чтобы ненастья боялся Тургай, а не хотелось, чтобы поклажа сильно намокла — мороки потом много.

— В чащобу сворачивать нужно, зальёт тут нас, ещё день будем сушиться, — заворчал Аепа.

— Поезжай вперёд, — кивнул Тамир Тургаю, — дорогу разведай, — так хоть и дольше путь выйдет, но деваться некуда.

Тургай, перехватив крепче поводья, поддел пятками скакуна, резво пускаясь вперёд через всю вереницу, за ним ещё трое ринулись, затерялись вскоре.

— Так будем долго кружить, пока до стана княжеского доберёмся, — оглядел хмуро Найгал, старший сын тудуна, перекаты лесистых темнеющих под тяжёлым небом холмов. — Может, и не стоило затевать это всё? — посмотрел Найгал на Тамира. — Сон мне приснился сегодня скверный, думаю, не к добру, а потом вспомнил, как шаманка мне нагадала, та, что к гунам к кочевью примкнула...

Воины, слушая начатый рассказ Найгана, не сдерживали смешки. Тамир усмехнулся тоже, внимая внимательно.

— ...Так вот, сказала она, что много сложностей впереди. Трудный будет путь, и доверять всем не нужно. Предательства много ждёт, — продолжал, но как услышал смешки за спиной, Найгал разом покраснел, злясь, обернулся резко, прикрикивая на соратников. — И общинники те неспроста на становище пришли. И Ибайзар был против того, чтобы шли к полесью!

Тамир смотрел на Найгала, понимая, как усмешка с его лица сползает помалу, и тому, что внутри разлилось, не соответствовало вовсе.

— Что же ты, Найгал, упрекать меня захотел? — спросил отвердевшим разом голосом Тамир. — Или ты каждое слово моё под сомнение брать станешь? Если так Тенгри-хан и я, его потомок, распорядились, значит, мы поедem к Каручаю — таково моё решение, а коли ты считаешь его неразумным, что ж, ты поворачивай коня и скачи к своей шаманке, догоняй, раз слушаешь её больше, чем меня. А коли хочешь остаться, слушай, что я тебе говорю, Найгал.

У дальних полесий всем известно, что живут племена те, которые под волю князя, не спеша идти из своих раздумий. Хотя с такими налётами Белояр скоро созреет идти под крыло князей поляновских. А князь веи старейшин, беков да тудунов, своих должен предупредить о том, что едет в княжество войско хазарское. Хотя сам Годуяр только возвращался с похода — о том посыльный его и говорил.

Как бы отец ни показывал своего несогласия, да много всё же видел Тамир выгоды, если сходят с поляновским князем в поход. Хазарский род хоть и велик, много народу племён входят в это племя, кровью мешаясь, корни которых древнее многих степных рек, а новые союзы и уговоры мира с другими племенами только силы той прибавит, мощью набираясь. Против такой силы не один араб, что ныне сейчас гостями сыплется с морей через горы, лишний раз не пойдёт, хоть как им не хотелось захватить крайние племена и земли. Об этом Тамир и станет говорить с отцом, как только вернётся. Об этом он говорил нынешним кочевьем и своим племенам, и многие его слова приняли, и многие пошли, хотя были, конечно, и те, кто не согласился с ним, но таких меньшинство.

И только бы это сила гнала Тамира вперёд, не давала покоя, а тамга та на его коже, что вынуждала его в огонь с головой бросаться. Ибайзар больше всего к сыну сердцем был привязан — Тамир чуял, конечно. А всё потому, что жена — мать Тамира — самая любимая у отца была. И, видимо, разбаловал каган его сильно, раз поперёк отцова слова пошёл.

Уже скоро отряд погрузился в лес, и сразу, как оказались под деревьями, заморосил дождь, да тут же стих — напрасно только крюк давали. Тучи покружили, словно Тенгри-хан всё раздумывал, где земле дать благодатной влаги, да только не над головами хазар, словно он услышал их просьбу не мочить их слишком. А уже вскоре посветлело вовсе, и великий явил своё чистое, сверкавшее око, согревая теплом, что проникало сквозь прорехи крон не сильно густого ельника.

От влаги снова духота поднялась, окутала прелостью и душистой еловой смолой. Воины приободрились. Где-то позади болтал несмолкаемо Итлар: вот кому язык всё почесать, и не устаёт болтать целый день. Найган всё кривил губы, оглядывая частоколом окружавший,

словно в клетку, лес. Ответ Тамира не шибко пришёлся сыну тудуна по сердцу. О чём Найган думал, когда в поход просился, коли так суверен был?

Как стихли и далёкие раскаты, отряд оживился, переговариваться стали, и от речи напористой, быстрой воздух дрожал будто, не слыхивал лес такого говора ещё. Да и сама чащоба, как припекать снова начало, задышала будто, зашевелилась. Отвык Тамир от оглушительных трелей птиц. Каждый раз ловил взглядом быстрым то вспыхнувшую с ветки птицу, то рыжехвостую, как коса у полянки, белку, мелькнувшую сред серых веток. Тяжело через лес было идти с обозами, который всё же помалу да отставал, то застревая и вязнув в мочажинах, а то приходилось и вовсе останавливаться, очищать колёса от комьев грязи, от которых тяжело становилось лошадям волочить слишком тяжёлый груз. Но какие бы не были трудности — ко всему хазары привыкли — а всё двигались неуклонно вперёд.

Тамир, погрузившись в свои мысли об отце и поляновском князе, не сразу заметил спешившего, погоняя хлыстом жеребца, Тургая. Он пронёсся, держась колеи сбоку вереницы. Старшие воины подтянулись все.

— Там впереди костры, угли ещё горячие, кто-то останавливался целым скопищем, — затараторил Тургай, донося Тамиру, — похоже, спугнули кого-то мы.

Тамир глянул на Сыгнака, что нахмурил густые чёрные брови.

— За мной, — кивнул хазарич им, остальным приказал не останавливаться.

Обогнав отряд, проследовали за Тургаем.

Оказалось, что уже впереди сквозь зеленоватый свет чащобы виднелись луга. Лес здесь растёт неравномерно — деревья плохо укоренялись на ветреном лугу. Теперь нужно вновь примкнуть к берегу, чтобы не потерять дорогу к пойме.

У опушки и в самом деле тлели костры, да не один, а целая дюжина. Спешившись, Тамир прошёл под сень деревьев, поднялся на небольшое взгорье, поддел сапогом угли: искры брызнули по затоптанной земле, остывая сразу, дымок заструился густо. Помята кругом трава, не успела ещё не подняться. Сыгнак и Тугуркан сколь бы ни ходили по становищу, ничего не нашли, даже вещи какой потерянной, стрелы, по которой можно было сразу узнать, что за скопище здесь дневало. Ничего.

— Может, обоз торговый, — предложил Сыгнак, возвращаясь к кострам. — Нас испугались.

— Да если бы испугались, не могли так быстро уйти, и следов от колёс не видно, стало быть конные, — задумчивого басил могучий Тугуркан, сурово хмурия брови.

Как бы то ни было — скверно. Хуже всего оставаться в неведении, не знать, с кем по одной дороге идёшь.

— Сюда! — вдруг раздался оклик Итлара откуда-то снизу.

Тамир и остальные воины быстрым шагом ринулись на шум. Дошли до самого оврага, густо поросшего ольшаником, оттуда Итлар уже поднимался, в руках неся кого-то.

— Что тут у тебя? — Тамир смолк, опуская взгляд на ношу, увидев девичье лицо. Что-то полоснуло по груди — догадка, что не та ли самая девка из общины, за которой старейшина Беляр явился в становище?

Сыгнак и Тугуркан помогли ему подняться. Итлар присел, опустив ношу на землю, завернутую в шерстяную верхицу, помятую всю изрядно и мокрую. Ко всему девушка была босая, пальцы синие почти, с налипшими на них травинками и хвоей, волосы русые чуть с рыжиной спутанные, растрёпанные, торчала листва палая в них.

— Жива ли? — спросил Сыгнак, склоняясь над несчастной.

Тамир опустил на колено, убирая с лица полянки влажные пряди, открывая посиневшие губы и скулу, на которой багровела царапина глубокая — то ли поранилась о ветку какую — и ссадину, синевшую на другой скуле у самого виска — явно от кулака мужицкого тяжелого.

Внутри вскипело всё — какой паскуда мог ударить девку слабую, девчонку совсем? Тамир оглядел её дальше, ища следы поруганья, и нашёл, конечно. Хазарич коснулся шеи тонкой и холодной, пытаясь найти жилу — дрожала едва под пальцами.

— Чего расселся? К огню её неси скорее, — рыкнул Тамир, поторопив Итлара, что устоялся на него в ожидании.

Он подобрался быстро, за ним метнулся Тургай, на ходу подбирая ветви целыми охапками да скидывая их на угли, те занялись быстро, затрещали — полыхнуло пламя. Итлар опустил на расстеленный Сыгнаком, взятую с седла и принесённую к постое скрутку шкуры, уложили полянку у костра.

Вскоре подоспел и отряд. Зашумел у дороги. Воины, видя неладное, спешили уже к становищу, поглазеть что стряслось такого. А полянка, видимо, от шума, очухиваться начала. Кривая губы от боли, морщась, заворочалась в руках Итлара, который всё ещё держал её. Девушка разлепила ресницы, заморгала часто, шарахнулась было прочь, да замёрзшее тело не сильно послушалось — как-никак, если не всю, то полночи в овраге том и лежала. Да и Итлар не позволил — удержал. Девушка бессильно рухнула назад на шкуру, затряслась, рыданием заходясь, бормотала что-то побелевшими губами, всё вырваться пыталась вяло, озираясь с ужасом на окруживших её воинов, которые сновали по лесу, отвлекая Тамира разговорами, но он всё же поймал взглядом протиснувшуюся среди воинов Огнедару. Точно лисица, юркнула — видно, тоже решила вылезти из укрытия посмотреть, что стряслось. А как увидела полянку крови с ней одной, так и присела рядом, говорить что-то начала негромко, ласково, Тамир не слышал из-за шума, только обрывки.

— Может, она что скажет? — посмотрел в сторону девушки Найгал.

— Может, и скажет, — отступил Тамир, оставив старших воинов, направился к ней, поспешив узнать, кто полянку умыкнул да надругался.

Девушка, завидев приближавшего хазарича, застыла и даже рыдать престала, смотря неотрывно, будто увидела что-то, что заставило её позабыть об остальных.

— Ты из общины Белояра? — спросил Тамир, бросая в сторону Огнедары предупреждающий взгляд, чтобы та в случае чего поправила его в чём, и девушка ещё больше не напугалась. — Ты из общины Белояра, спрашиваю? — резче потребовал.

Полянка сомкнула губы, посмотрела на Огнедару, потом снова на Тамира, кивнула, сжимая плотно блеклые губы, видимо, соображая помалу всё, что насильничать её здесь никто не собирается.

— Кто эти люди? Кто бросил тебя здесь? Как они выглядят?

Девушка сглотнула, вновь на Огнедару взгляд метнула, рассеянно смотрела на неё, сдерживая слёзы.

— Ответь, не бойся, — утешила Огнедара.

— Они... — вернула взгляд на Тамира, — ...похожи на вас, — ответила едва слышным хриплым голосом, — чёрные глаза, волосы... — голос её оборвался, а по горлу судорога prošлась.

— Всё хорошо, теперь ты в безопасности. Не бойся, — повторяла Огнедара, всё гладила её по плечу и волосам, успокаивая.

Тамир глянул на Итлара.

— Отправь её к старосте с Арваем, пусть довезёт её.

— Нет! — вдруг встрепенулась девушка, вырываясь из рук Огнедары, взгляд её заметался по лицу Тамира. — Нет! Как я назад, нельзя мне назад! Кто меня примет после... — полянка всё же всхлипнула, вновь заплакала.

Итлар только плечами рассеяно пожал — мало что понял. Пусть и порченная, но они ей родичи всё же. Видимо, не в себе после того, что пережила. Не хватало, чтобы прознали ещё,

что девка их всё же в его отряде оказалась, потом доказывая, кто испортил её. Хоть в другое время Тамиру было бы плевать. Как бы не выглядела скверно, а отправить её назад нужно.

— С собой позволю взять, Тамир, — вступилась Огнедара, всколыхнувшись на ноги, когда Тамир уже говорить хотел, но с тем пылом, с которым обратилась к нему девушка, окуная в тенистые, как река, глаза, жаром сухим по горлу разнеслось желание, опускаясь тяжестью к паху.

Даже воины притихли, оглядываясь на полянку. Огнедара потупила взгляд, смущаясь, что на неё сейчас многие смотрят.

— Там до княжества доберёмся, устроим её, может... — договорила уже не так рьяно.

Итлар приподнял смоляную бровь, ехидно усмехаясь в усы, утверждаясь в том, насколько полянка осела в кочевье Тамира. Вот же барсук неугомонный, не перетрудился, видно, сегодня, успевает и тут ёрничать.

— Ты и присматривай за ней, — буркнул Тамир на своей речи полянке, сдерживаясь, чтобы не сгрести её в охапку и не наброситься на эти губы жаркие.

Огнедара, конечно, ничего не разумела, что сказал он, но поняла по голосу, что хазарич позволил. Всё же как ни подтрунивал его Итлар, а засела, словно наконецник стрелы, в плоть эта бесстыжая полянка. Ведь в другой раз, если бы ни рыжекосая, отправил бы восвояси.

Тамир отступил, направляясь к обозам, слыша за спиной быстрые шаги.

— Что сказала? — спросил Аепа, нагоняя хазарича.

Тамир глянул на него мрачно.

— Кангалы это. Собирай людей, Аепа, останавливаться больше не будем.

— Воепа! — окликнул князь одного из своих ближников, ехавшего впереди. — Вперёд поезжай, старосту Гаяна упреди, ночевать у него остановимся.

Воепа кивнул, взяв ещё несколько мужей. Вперёд отряда пустились через луг к дальней, уже видневшейся впереди птичьим гнездом веси.

Вейя держась чуть позади от Годуяра, наравне со всеми всадницей была. Кобылка ей досталась послушная и спокойная, хотя Вейя и так привычна в седле держаться — частенько отец с собой дочку брал, если приходилось выезжать куда из острога. Вейя вынырнула из раздумий, оглядела росшие вдалеке стройные один к одному белые стволы берёз. Всё же какими ни были жаркими дни, а зелень на лугу и на деревьях будто тускнеть начала, и трава не такая сочная под копытами стелилась, грубела с каждым днём, распушились уже и колючие мёглы татарника. Спокойный нынче вечер ласкал Стрибожичь теплом мягким, лохматя кудлатые облака, сгоняя их к самому окоёму, кутал плавящее в жаре око в туманной дымке.

Ещё утром покинули Кряжич, а Вейя и усталости не чувствовала даже, дороги её никогда не пугали, но в отряде Годуяра всё равно почему-то беспокойно. Вейя не понимала причины, ведь защита надёжная — вон сколько отважных мужей князь с собой взял, дюжина кметей, не считая ближников и сотника, который возглавлял отряд. Вейя глянула ненароком на Далебора. Рядом с ним-то Вейя и не находила покоя, казалось, повсюду глаза колдовские туманные преследуют её. Вейя старалась не замечать его особо, да каждый раз взгляд упирался в широкую ровную спину, скованную латами, да в голову в кудрях русых, в которых играли солнечные блики.

Наезженная дорога — уж часто по ней приходилось идти кметям в земли Каручаевские — утянула в сторону веси, до пологих взгорков к околице не новых, но добротных мощных срубов, что сложены из деревьев, которые когда-то на этом самом месте и росли. Дворы, как и во всех щелищах, разбросаны по бережку небольшой речушки Сувы.

Гаян, предупреждённый Воепой, вышел встречать княжескую гурьбу сразу, как только Годуяр со своим небольшим да и не малым отрядом на дороге появился. Высокий, костистый с густой желтоватой, как солома, бородой, таким же волосами, подвязанными кожаным ремеш-

ком, Гаян ещё не старый, в силе своей, держал крепко под строгим присмотром роды и семейства, которых, судя по хозяйству — дворам широким, погребам да постройкам разным, в которых животины стояла — было немало. Тут и жена его следом вышла с поклоном — женщина приземистая, но степенная, в расшитой понёве и яркими бусами на шее — встретила всех тёплой улыбкой.

Суэта во доре поднялась знатная. Всё решали кто где будет спать. Многих мужей оправили ночевать в общую избу, другие разошлись по другим. Староста оставил — а как иначе — князя у себя в избе тёплой, широкой, пропитанной запахом хлеба и мёда пряного. Вейю Годуяр, конечно, рядом с собой держал. Бродица — жена старосты — сразу девушку, одну единственную во всём отряде, к себе пристроила, отрядив место в женской части дома, постелив мягко на лавке у стены белёной печи, согнав своих дочерей — девицы на выданье, как, впрочем, и Вейя. Но о том не хотелось и думать ей.

Гремела изба голосами — мужи до самого позднего вечера вели разговор за столом, выпив не одну чарочку крепкого мёда, коим щедро угощал гостей дорогих староста Гаян. Вейя рядом с Бродицей и дочерьми её сидела, слушала, да всё больше замечала, как бросают кроткие взгляды дочери старосты на сотника. Он и в самом деле среди остальных после князя видным был молодостью, силой неуёмной. Поблёскивала на шее сильной витая гривна, смотрели темно с блеском холодным глаза на собравшихся за столом, только девиц он как будто не замечал. А Вейя не знала куда и деться, когда его взор пронизывающий на неё падал. Вейе не нравилось вовсе его внимание, холодное, пугающее даже. Хоть она и не из пугливых была, но явственно ощущала, как сила в сотнике лютая кругами ходила, и всё выхода не могла найти, казалось, того и гляди сорвётся с места и схватит Вейю, задушит. Сердце стучало быстрее. Разговор зашёл о кангалах, что одолели полесье, налетая на селища у окраины. Но Вейя находиться за одним столом с сотником уже не могла — слишком тесно стало. Стараясь быть не замеченной, вышла из-за стола, покинула горницу. Подвязав очельем накиннутую наметку — для молодой незамужней девицы и рано покрывать, да в чужих краях лучше прятать волосы — Вейя вышла на высокое крыльцо под низкий навес. Скользнула взглядом по тёмным верхам сосен, что росли прямо за частоколом. Лес дышал прохладой и вздымался вверх по крутому взгорью урочища, подпирая ночное, усыпанное яркими зёрнами звёзд небо. После душной избы старосты, вечер бодрил ощутимо, даже тревога, что донимала Вейю весь день, отступила.

Вейя вздрогнула, поздно спохватившись, не заметив сразу, как скрипнули позади половицы, а следом горячие руки легли на плечи. Вейя развернулась резко, выворачиваясь из хватки, бросилась в сторону.

— Что ты пугаешь так, не укушу же, — хмыкнул Далебор вяло, прислонившись плечом к столбу, смерив Вейю уже хмельным взглядом с пят до головы.

Глаза сотника блестели влажно в отсветах пламени, что лился из распахнутых дверей горницы. Вдруг хохот грянул в недрах терема, вырываясь из разволочённых окон, встревожил вечерний воздух, смешиваясь с ним и пропадая за частоколом, там, где уже ночь дремучая вступала в свою силу. Вейя оглядела ещё раз двор, и, как нестати, не было никого, верно, все в избе старосты, а кто и в баньке да за столами хозяев, что щедро накрывали кметям, запекая жирных гусей мужам, ведь многие вовсе женихи — вдруг приглянется кому из них какая из дочек. Да в Кряжиче и без того девушек хватало — внимание, хоть ковшом черпай. Потому Вейя всё вразумить не могла, чего сотник за ней по пятам ходит.

— Зачем подкрадываешься? Или привык так?

Далебор, до того мига серьёзно осматривая её, усмехнулся в усы, облизав и прикусив нижнюю губу, в сторону двора посмотрел, будто там ответ его находился. И поведение его Вейи всё больше настораживало — гложило что-то его. Вейю невольно кольнуло сомнение, может, и зря она так с ним холодно, но, с другой стороны, как иначе, коли он руки распускает?

— Не дразни меня, Вейя, или нарочно позлить хочешь? Что видела ты — это пустое всё, — голос его звучал низко, так, рокотал, гулом раскатывался по воздуху.

— Пустое или нет — мне это без надобности, сам разбирайся с Люб... — Вейя запнулась тревожно, покосившись на дверь.

— Я у князя буду о тебе просить и от своего не отступлюсь, — осмотрел жадно, глазами пожирая.

Сердце забилося в горле Вейи часто, уйти хотела, да будто одеревенела вся, смотрела на Далебора в изумлении, не верила ни одному ему слову, да и как можно доверять? Развернулась, спеша назад вернуться, чувствуя, как натянулась, словно кожа на бубен, тишина и вот-вот треснет. Но Далебор не дал уйти, подхватил под локоть, останавливая, Вейя вскинула подбородок, пронизывая сотника твёрдым взглядом — много себе позволяет он, и закричать бы, да никто её не услышит — разносились из горницы басистые голоса да всплески хохота, но она и не хотела, чтобы застал её кто тут с сотником.

— Я не хочу с тобой, — всё же огрызнулась Вейя.

Внутри так и колотилось всё от нараставшего волнения. Далебор всё не так понял, видимо, но только какой разговор может быть, когда он пьян?

— Да не уж-то? — хмыкнул Далебор, будто смысл слов Вейи ему только открылся.

Нависая горой высокой, спустил руку по спине — жаркой тяжестью легла она на пояснице, прижимая Вейю к себе тесно. И не успела Вейя понять ничего, как сотник сковал, будто вылитыми из железа пальцами, подбородок, вжимая их с силой, опуская взгляд на губы Вейи, подался резко вперёд, набросился на них, словно голодный пёс на кость, впился до боли, сминая губы.

У Вейи от неожиданности дыхание перехватило, а следом на неё будто кипящее масло вылили, обдавая жаром с ног до головы, смесь чувств — стыда, гнева — пронеслась вихрем. Она дёрнулась, вырываясь яростно, да не сильно получилось — Далебор стиснул сильнее, пытаясь разомкнуть губы языком. Вейя почувствовала чуть кисло-сладкий вкус медовухи и жёсткое скольжение его губ. Далебор издал какое-то рычание утробное, грубо обхватил затылок, вжимаясь в губы ещё теснее, вгрызаясь поцелуем, и сотник всё же язык протиснул, завладевая ртом Вейи полностью. Страх встрепенулся брызгами острых осколков в груди, горло сковало — не выпустит её. Вейя сопротивлялась, выкручиваясь из хватки, да только в ответ Далебор кусал её губы, сильнее стискивая плечи, сжимая в кулак на затылке волосы, тянул больно. Вейя вся обратилась к двери к мужам, что шумели сейчас за столом, да жёсткие губы и язык не позволяли и шелохнуться. Вейя всхлипнула, понимая, что сотник утащит её сейчас. Но Далебор, напротив, резко выпустил, грубо от себя отпихнул, Вейя едва не упала, схватившись — случайно — за рубаху сотника, та треснула, натянувшись на спине Далебора. Сотник перехватил её запястье, сжимая до красных следов на коже.

— Захочешь, — зло усмехнулся он, и Вейя ощутила, как его трясёт всего, будто в лихорадке, и как дико пышет жаром вздымавшееся в тяжёлом вздохе тело. — Захочешь со мной.

Вейя, видя, как злой огонь распалялся по широким зрачкам глаз всё гуще, сглотнула, желая одного — чтобы пустил её

— Отпусти, мне больно, — прошипела Вейя, дыша часто.

Далебор сощурил с сомнением глаза, ослабил всё же хватку, Вейя выдернула руку, немедленно к двери ринулась.

[1] *Шеляг* — хазарская чеканная монета.

[2] *Тамга* — это фамильный, родовый знак, в частности у **хазар** - тюркоязычного кочевого народа, в переводе с тюркского означает "клеймо" или "печать".

[3] *Куар* — бог молний у хазар.

Глава 5

Вбежала в горницу, да едва не споткнулась, как упёрся в Вейю взгляд князя. Вейя невольно коснулась волос, поправляя плат, но уже и не спрячешься — поймал её взгляд испуганный Годуяр. Пошла быстрым шагом к светлице, где постелена была для неё постель. Благо тут горел один светец — он тускло освещал мощные серые брусья стен и лавки, которые ещё пустовали. Вейя в полумраке опустилась на шкуры, касаясь губ пальцами, что пылали нещадно. Её и не целовал ещё ни разу никто, и такой ласки ей вовсе не нужно. Видно, злой дух какой в сотника вошёл.

Дрожь билась в теле, но злость постепенно вытесняла испуг. Годуяр теперь неизвестно что подумает. Совсем Далебор осмелел. Теперь как от него отвязаться, чтобы не преследовал её да не караулил? Только рядом с Годуяром держаться. А возьми Далебор и впрямь её попроси — что тогда? По телу даже холод прокатился. Нет, не осмелится он, коли до сих пор не просил — остерегается.

Вейя стянула с головы намитку, прислушиваясь к голосам: и не собирались униматься, видимо, до ночи глубокой будут сидеть. Всё же пыл сотника нужно как-то окоротить — Вейя пожалела, что убежала сразу, нужно было на место его поставить, а она сбежала, только ещё больше ему руки развязывала, теперь почует над ней свою силу.

Раздевшись не спеша, оставшись в одном исподнем, легла на лавку, укрылась шкурами чуть ли не с головой, слыша, как гудит горница, да всё же стало жарко — пришлось скинуть с себя укрытие. Всё смотрела на огонёк, что тлел на окне, и мысли разные, что клубок путались. Усталость пути да переживание сильное постепенно утянули Вейю в сон, уже через толщу дремоты она слышала, как вернулись дочери старосты, хихикая и перешёптываясь — вон сколько ныне впечатлений. Разлеглись по своим лавкам, ещё долго не унимаясь. А после и они стихли, и Вейя смогла погрузиться в зыбкую топь.

Проснулась она от топота да негромких переговоров домочадцев.

— Тише вы! Всех перебудите, сороки неумные, — знакомый уже строгий голос женщины прошелестел ветерком по светёлке, мягко ложась на Вейю.

Открыв глаза, уставилась взором в белёную стену печи, сухим мелом пахло от неё. Вейя вспомнила, где она, пошевелилась, повернувшись на другой бок, скидывая с себя шкуры. Бродица, поставив на стол кувшин, положив рядом завернутый в рушник пирог, встретила Вейю приветливой улыбкой.

— Как спалось на новом месте? — спросила ласково, прошла к полати и сняла деревянные площадки.

Вейя глянула на дочерей Бродицы. Ещё в исподних одна другой косу плела, они ничем почти не отличались друг от друга, разве одна та, что плела косу, была чуть округлей, степенней, другая — та, что младше — фигурой тоньше и веснушек, как брызги искр, на щеках больше. Старшая посмотрела на Вейю, оглядывая незнакомку любопытно, когда та поднялась с лавки.

— Хорошо спалось, спасибо, — поспешила ответить Вейя хозяйке, потянувшись и зевнув в ладонь.

— Садись, подели с нами трапезу, что боги дали.

Вейя не стала отказываться, да и как? Негоже обежать тех, кто под своим крыло приютил. Села за стол. Утро ещё, ранее небо только наливалось теплом, будто маслом топлёным, светлея помалу, из окна сквозняк струился, оглаживая плечо Вейи, холодя кожу. В другой части дома тоже возня началась — Годуяр, верно, пробудился.

В доме старосты непривычно, всё чужое: и запах, и стены из забитых сухим мхом брусьев. Долго ещё Вейя будет мотаться теперь, когда свой дом потеряла. Похоже, к тому привыкать помалу нужно. По разговорам гридней, до Каручая тут уже рукой подать — протоку минуть, а там веши обжитые, основаны полянами.

— Стало быть, хазары в наши земли идут? — заговорила старшая дочь, обращаясь к Вейе.

Бродица посмотрела на дочь строго, но та и не заметила вовсе укоряющего взора матери.

— Идут, Годуяр их на сборище общее позвал, — ответила Вейя, что знала сама.

Бродица тревожно глянула на Вейю, опускаясь на лавку, принялась разливать по плошкам парное, только с утреннего удоя молоко. Глаза обеих сестёр загорелись одинаково ярко, любопытство в них костром забилося, что даже вон щёки порозовели от волнения.

— Говорят глаза у них черные, как дёготь, страшные, и все степные костры в них горят. А сами они как коршуны — дикие. И кожа у них темна, что в ночи и не разглядишь их сразу. И жилищ своих у них нету, земля им постель, а покрывало — небо.

Вейя, выслушав её, отвела взгляд, надкусывая пирог, что отломила ей Бродица. Сама она хоть и жила на пограничье, а не видела их никогда. Хазары всё у самых крайних весей бывали, вглубь лесов не ходили, разве только налётами, и то от острога подальше. От слухов этих поляне степь боялись, как огня. Вейя знала по разговорам Гремислава, что больно норов их крут: коли не понравится что, разойдутся гневом — уж тогда беспощадны. Ещё он разделял их как-то: про одних говорил, что смуглы они до черни, а другие светлее — с теми ещё можно сговориться.

— А ещё говорят, — хитро сощурила глаза старшая, — их вожди жён имеют до дюжины.

— Хватит, — оборвала дочь Бродица, — больно разговорилась.

Она смолкла, взгляд потупив на мать. А младшая подавила улыбку только, за плошку, полную молока, потянулась.

Вейя и не задумывалась слишком о кочевниках, и о том даже не задумывалась, что предстоит повидать их самой. Волнение внезапно всплеснуло к горлу, что и есть перехотелось.

Девушки, молча поутренничав, засобирались, доставая наряды свои из ларей. И Вейя за сборы взялась. В окошко шум весёлый со двора залетал, видимо, уже сходились с дворов гридни к избе старосты в путь трогаться.

Не задерживаясь, поднялись в сёдла. Вейя поморщилась от того как потянуло мышцы — всё же отвыкла немного от верховой езды, все жаркие дни пробыла в Кряжиче, не выезжая никуда. Покинули двор старосты, направляя коней по берегу Сувы, которая с каждой верстой всё ширилась, тянулась, словно в косе девицы, голубой лентой. На этот раз Вейя поблизости князя держалась, но напрасно тревожилась — сотника с утра не видела, где-то всё среди гридней находился и сейчас уехал далеко вперёд. И хорошо. После вчерашнего не хотелось с ним встречаться глазами, хоть Вейя ни в чём не виновата, а избегала его, помня, как он набросился на неё на крыльце. Она и в самом деле испугалась силы его необузданной, грубой, такую только холодная стойкая Любица выдюжит, вот он и пришёлся ей, видимо, по нраву.

Вейя с усилием вытолкнула из себя лишние мысли, что только смятение внутри крутило. На пути сосредоточилась. Оглядывала просторы, на которых плешинами рос кудрявый лесок. Луга в полесье стелились дикие, трава поднималась к животам коней, билась о носки сапог. У всячани сейчас много хлопот, ведь скоро начнётся самая важная пора — уборка урожая, в этот год земля одарила щедро, только набивай закрома. Все эти жаркие дни росло всё, зрело, и кто трудился усердно, тот обязательно пожнёт и всю зиму будет сыт, не испытывая нужду. В самом деле, и дни становились короче, а утра туманнее. Скоро и вода в реках остывать начнёт. От этих раздумий Вейе стало тепло и спокойно. Смотрела на редкие жёлтые листья на гибких ветках старых ив, предвещавшие скорую осень — хоть до холодов ещё далеко, а думать о зимовье уже нужно начинать, сама природа нащёптывала, напоминала.

Шёл княжеский отряд легко и бордо до самого полудня, а после око Ярилово воспылало жаром, будто в отместку — рано думать о холодах. Пекло нещадно, пришлось отряду у илистого бережка останавливаться — лошадей поить, да ополоснуться в реке самим. Вейя,глянув в сторону, где с другими старшими войнами да десятником разговаривал князь, присела у телеги на расстеленную шкуру, в тень прячась отдохнуть малость, всё же утомительный для Вейи после долгого перерыва был путь. И на телегу бы пересесть, что предлагали уже не раз князь и десятник, да Вейя отзывалась, упрямясь — назвалась в седло, теперь уже до конца. И только в дремоту, душную, напоенную тёплым сухим запахом трав, провалилась, как кмети шум подняли, что за несколько вёрст слышно их стало, спугнув с веток ив птиц разных.

— А ну, тише там! — зычный оклик Далебора оборвал резко общее веселье. — Раскаптались гуси, только выпусти.

Гридни смолкли, видя, что не в духе сотник. Вейя невольно скользнула взглядом по сильному, ладно сложенному телу Далебора — тот броню скинул, оставшись в рубахе и штанах, что закатал до колен, войдя в воду с конём, верно, чувшим раздражение хозяина — фыркнул недовольно, глаза пучив. Далебор обернулся чуть, будто ощутил на себе чужой взгляд, полоснув Вейю, словно хлыстом, жгучим злым взглядом. Вейя аж заёрзала на месте, да куда прячешься?

— Что-то Далебор ныне как туча хмурая, всё ворчит, — усмехнулся гридень Вязга, который в стороне проверял упряжь, проходя вдоль крытого воза.

— Конечно, то дело немудрёное, — хохотнул другой гридень Межко, — коли не спать всю ночь — только и были слышны стоны из клетки, — ответил, да тут же смолк, кашлянул в кулак, когда заметил сидевшую на земле Вейю, вспомнив, что среди мужей и девица есть.

На том разговор и был окончен, хотя если бы не заметили её, много бы она чего ещё услышала. Вязга только усмехнулся, головой качнув. Вейя и не обратила на то внимания, бывало, всякое она слышала в мужицкой ватаге Гремислава, когда с ним по всеям разъезжала — привыкшая к колким словам да насмешкам острым, которые, как и должно быть, водились в мужицком скопище. И всё же пронеслось едкое возмущение — и тут не упустил своего Далебор. Не изменит его ничего, верно, подола бабьего ни одного не упустит. Вейя отвернулась, всё же попыталась немного вздремнуть. И, кажется, удалось, слыша как сквозь туман глухие переговоры и шелест травы.

А как спала немного жара, в дорогу собрались, поднявшись в сёдла. А там уже помалу сгущались сумерки. Светило ярое медленно спускалось к окоёму, плавя его, слепя глаза лучами низкими, яркими, что и дорогу не разобрать. То и дело вскидывали воины руку к глазам, вдаль приглядываясь. Впереди должна уже и протока показаться, а там уж можно и спокойно идти, без опаски, до первой карачаевской веси.

— Устала? — вытянул из задумчивости голос Годуяра.

Вейя быстро подняла взгляд на князя, улыбнулась мягко. Не заметила даже, как приблизился он, поравнявшись с её кобылкой.

— Немного...

Годуяр внимательно на неё взглянул, потом сощурил глаза, тоже вглядываясь в даль. И совсем не вовремя вспомнила Вейя Любицу, и так тесно стало внутри, нехорошо рядом с князем, оттого что тайну знает скверную, а сказать не может, только прятать подальше. И оттого казалось, что обманывает.

— Вчера видел, вошла ты испуганная. Кто обижает тебя из гридней? Ты скажи, не утаивай.

Щёки жаром пыхнули до самых ушей. Уж о том с Годуяром говорить не хотелось. Она и отцу не сильно открывалась, а тут почти чужой человек, хоть и родич дальний. Лихорадочно в голове перебирала мысли, чтобы ответить. О сотнике даже и упоминать не хотелось. Она огляделась, понимая, что многие мужи, что рядом ехали, прислушиваются к их разговору.

Вейя ответить собралась что-то невнятное.

— Я... — приоткрыла было губы, как взгляд зацепился за вставшие впереди, будто из земли выросшие, фигуры тёмные, что на окоёме жёлтом закатном виднелись отчётливо угрожающе.

— Кангалы! — кто-то гаркнул в следующий миг, оглушая Вейю до звона.

Поднялась холодная волна страха, что руки и ноги вмиг отнялись. Вейя и понять толком ничего не смогла, как вспороли воздух стрелы, ударяя в плечо ехавшего впереди кмета Гроздана. Другие гридни успели поднять щиты — заколотились дождём стрелы о дерево. Некоторые даже к середине отряда долетели. Одна просвистела мимо, почти рядом с Вейей.

— Щиты поднять! — грянул голос десятника Бромира.

А в следующий миг сверху Вейю придавила тяжестью защита, прежде чем вонзились в древко вновь пущенные стрелы. Врезались глухо несколько, отдаваясь в плечо тупыми ударами. Всколыхнулся отряд, задрожала земля от множества копыт, раздавались тут и там громом голоса мужей. Кобылка, до того мига спокойная, шарахнулась было, Земко — кметь, что оградил Вейю от стрел, успел подхватить её за уздцы. Да только Вейя почувствовала, что падает — кобыла повалилась на землю, потянув её за собой, испуг всплеснул — а ну придавит или затопчут другие?! Но рухнуть не дали — подхватили чьи-то сильные руки, с седла сдёргивая, сминая рёбра так, что Вейя дыхание потеряла да опору. А следом она на чужой лошади оказалась.

— Спрячь её! — рыкнул где-то в стороне голос князя и утонул в толпе.

Вейя оглядеться не успела — гаркнул гридень, поддевая пятками лошадь, та ломанулась вперёд, пускаясь к середине вереницы к телегам и возам. Вейя видела только, как проносятся гридни, как сверкает оружие в закатных густых лучах, словно всполохи молний. Подъехав к обозам, Земко ссадил Вейю в телегу — а больше и прятаться негде, разве что в бурьян бежать, да заметят, нагонят тут же.

— Схоронись, — бросил он, натягивая силой повод так, что лошадь вскинула гривой, артачась, он оставил девушку, ринувшись на подмогу к остальным.

Вейя, уцепившись пальцами за борт, выглянула, пытаясь рассмотреть в слепивших солнечных лучах метавшихся в пыли дороги гридней. Гурьбой нахлынули из засады всадники, в одеждах да латах кожаных грубых, в островерхих шапках. Вскинули они яростно клинки широкие у конца, что страшно стало: один удар — и голова с плеч, силы прилагать не нужно. Вейя успела рассмотреть смуглые, широкие, чуть плоские лица и чёрные, как дёготь, брови и усы. Всадники широкие в кости и коренастые — такие, как рассказывала ныне утром старшая дочь старосты.

Кинулась часть гридней в атаку. Откуда-то снова полетели стрелы. Вейя охнула, назад нырнула за полог в сумрак намёта, рухнув на дно воза, средь поклаж вжимаясь в кожаные скрутки палаток. Стрелы одна за другой ворвались с хрустом в толстую ткань намёта, прорывая его насквозь. А потом вновь стихло. Сердце забухало в груди булыжником, подскакивая к самому горлу в леденящем душу ожидании. Прижимаясь к дощатому борту, прислушалась. Раздались совсем рядом голоса, Вейя не разобрала ни слова говора чужого. Приподнялась, пытаясь скорее отползти подальше, спрятаться, как заржали громко лошади, и повозка дёрнулась с места, так, что Вейю откинуло назад. Она рухнула на колени, отскочив к самому краю, ударяясь боком о борт, и подняться не успела, понеслась куда-то телега по колдобинам, встряхивая всё содержимое.

— Стой! — только крикнул кто-то из гридней. — Назад!

Вейя, уцепившись за щит, чтобы хоть как-то удержаться, только укрыть голову успела — полетела на неё поклажа, что-то грохнулось сверху тяжёлым кулем, посыпалось за ворот платья зерно, кажется. Трясло лихо, только и получала ушибы в плечо, бедро, голову. Показалось, что вытряхнет её всю, и страх, что вот-вот перевернётся телега, полосовал нещадно — переломает

все кости. Громкий свист пронизал слух сквозь грохот. Сердце онемело. Снова прорезал воздух чужой, непривычный говор — ругань, кажется, а следом помалу затормаживали лошади, что до того мига, ломая ноги, неслись по склону прочь от дороги, будто их кто-то угонял. Вейя, корчась от боли, попыталась подняться, слыша, как заскрежетала сталь, и лязг оружия разнёсся по округе. Завязалась борьба. Ухватившись за ось, Вейя, глотая пыль, подтянулась, приподнимая полог, выглянула наружу, выхватывая взглядом нёсшихся к обозам нескольких конных, обрушивавших такие же изогнутые, как у кангалов, клинки на татей, что кинулись было к ним, хватаясь за упряжь, пытаясь сдёрнуть всадников из сёдел.

Не понимая ничего, Вейя отпрянула назад вглубь обоза, да поздно — её заметили. Ринулся вперёд тать — пока остальные заняты, решил поживиться отбитым добром. Да лошади вновь шарахнулись — дёрнулась телега, и что-то твёрдое ткнулось в рёбра Вейи, выбивая дыхание. Вскрикнула громко, когда кто-то ухватил её за щиколотку. Вейя пнула наугад ногой и, кажется, попала — тать взревел громко, хватка ослабла, позволяя вылезти к крупам лошадей. Подбирая подол платья, спустилась, вставая ногами на обод, спрыгнула на землю, да тут же выстрельнула невыносимая боль в бок. Вейя, не удержавшись, потеряла равновесие, упала в траву. Тать вылез из-под намёта, бросая на неё звериный взгляд. Из-под телеги показались ещё чьи-то ноги. Вейя вытянулась, ища, куда бежать, да кругом бурьян и склоны покатые, где-то рядом бились гридни — недалеко её унесло. Сейчас её схватят и убьют, но если бы только разу. Страх застелил разум, глаза увлажнились, что Вейя почти не видела, как приближались к ней двое татей.

Цепляясь за траву, поползла назад, озираясь лихорадочно, ища пути отступления да чем оборонится, но рядом ни одной коряги даже. Тати обошли добычу с двух сторон, они буравили Вейю жадными, на скуластых смуглых лицах, чёрными как угли глазами. Крепкие, крижистые тела стянутые кафтаном на косой запах.

— Не подходи, — прошипела Вейя, прикусывая защищавшую губу — видимо, разбила, когда падала, на языке солоноватый с привкусом железа вкус, вместе с привкусом страха и ужаса — что сделают с ней.

Широколобый тать осклабился, кивая другому бородатому, решая, как добычу станут делить. Он и шагнул первым, а Вейя сглотнула, ожидая худшего, как вдруг из-за взгорка выскочил всадник, рьяно бросая коня своего вперёд. Так быстро — Вейя даже моргнуть не успела — вспорхнул в расплавленном жаром воздухе змеёй гибкой чёрный хлыст. Он тяжело упал на шею татя, обвинив его в три тугих кольца. Из горла того хрип вырвался, кангал выронил оружие, вскидывая руки к горлу, а в следящий миг его от земли оторвало — всадник дёрнул с силой, опрокидывая навзничь, пронёс по траве волоком, к себе подтащил ловко и легко. Хазарин — Вейя отчётливо поняла. Он хлыст свой на луку намотал, держа тяжёлого кангала в удушие крепком, тот рычал, издавая клочущие звуки, ногами только елозил по земле. Выдернув клинок, хазарин рванулся к другому татю, что бросился бежать, да споткнулся о колдобину, рухнув на колени. Вейя дёрнулась было в испуге, когда вспыхнул клинок широкий в красном закатном свете. Он обрушился, рассекая воздух острым лезвием, на открывшийся участок смуглой шеи. Хазарин рубанул наотмашь, только и полетела в застывшей на миг тишине голова. Брызнула тугой струёй тёмная кровь на траву.

Вейя вскинула руки, прижимая ладони к губам, пытаясь задержать рванувшийся из горла крик — такой жестокой расправы она ещё не видела. С новой силой все звуки ударили по слуху: всплеск железа, ржание лошадей, скрежет, гвалт мужей донесли до Вейи волной горячей, но, кажется, там всё стихало тоже.

Хазарин, вогнав клинок в ножны, отвязал татя, что уже посинел и, кажется, дышать вовсе перестал. Вейя наблюдала за всем и пошевелиться не могла — всё тело онемело, и сердце как будто перестало биться. Только теперь осмысливала происходящие: он из кагановской дружины, что должна прибыть в Каручай, и, верно, сошлось так, что столкнулись в одном месте.

Слава Макоши! Вейя всё лучше его рассматривала, как поблёскивала богатая упряжь конная, да пластины стальные на кожаных латах, что сковывали тренированное тело молодого воина. Всё больше замечала, как отличается он от кангалов — вроде такие же чёрные, беспросветные, немного раскосые глаза под чуть резким, чем у полян, разлётом бровей, кожа загорелая, и в отличие от тех массивных черт кангалов, у этого острый, чуть длинный с хищно узкими крыльями нос, да и сам высокий, широк в плечах, что покрывали кожаные пластины дегеля — так называли броню у хазар. Надо же, с какой дикой, опасной лихостью расправился он с татями, поостеречься бы самой, но почему-то невозможно было ни на миг глаза отвести от него, от этой мощи неуёмной, что исходила от чужака. Видимо, он один из воинов кагановского отряда — поняла, наконец, Вейя.

Схватив едва живого татя, хазарин бросил на Вейю взгляд, будто только сейчас её заметил, тот ударился в неё ураганом — так черны были его глаза и холодны, как самые глубокие колодца. Металась ещё в них смерчем ярость от недавнего боя.

— Ранена? — спросил на удивление языком полянов понятным, хоть и не совсем чистым.

А сам рассматривал Вейю всё внимательней, и всё гуще сволакивался в глазах сумрак. Грудь Вейи наполнилась отчего-то жаром, смущением обдало с ног до головы совсем неуместно. Вейя качнула головой только, не в силах говорить — язык будто к небу пристыл. Он шарил по ней смело чёрными глазами, что стали вдруг чуть поблёскивать в недоверчивом прищуре, отвлёкся, когда в хватке его зашевелился татя, закашлялся, очухиваясь.

Тревожно затоптал по земле конь, чуя запах крови. Мгновенно заострились черты лица хазарина. Позабыв о Вейе, он, потянув туго повод на себя, бросив на Вейю ещё один настороженный взгляд, отвернулся, направив скакуна к дороге, волоча за собой татя, оставляя обезглавленного лежать на земле. Точно волк — хищный, гибкий — такой порвёт на куски, попадись только в зубы. Вейю вдруг дрожь пробрала, только теперь опомниться смогла, выдохнув туго. Сжимая кулаки, подняться попыталась, морщась, зажимая ушибленные рёбра. Поднявшись кое-как, медленно пошла, обходя телегу с ещё взволнованными погоней лошадьми, что стояли на месте, не трогаясь.

Едва ногами переступая — так ломило всё тело, по взгорку вскарабкалась, побрела вперёд. Постепенно открывалось взору место побоища. Смешались гридни с кагановской дружиной — тут уж никаких сомнений не осталось. Смуглые суровые лица, обметённые смоляными усами и бородами, на головах с шишаками, что украшали кисточки конных волос, мелькали повсюду. Где-то на обочине дороги ещё добивали последних татей, гридни носились, стаскивая убитых и раненных. Кто свой, а кто чужой — ещё не понять толком. Кругом суматоха. Но того хазарина и не видать. Видно, уехал вперёд, куда все воины помалу подтягиваться стали.

Вейя тоже поспешила туда, стараясь не мешаться, искала взглядом князя. Жив ли он? Колол страх острой иглой. Да едва не сшиб Вейю кто-то. Успело пахнуть разгорячённой жаром кожей. Далебор, что налетел на Вейю, за плечи схватив, стиснул до боли.

Вейя скривилась, пытаясь вывернуться из стальной хватки.

— Живая, — обхватив шею сзади, к себе тесня, прожигая пальцами кожу, прогромыхал чуть хриплый голос Далебора над самым ухом. — Где ранена, скажи?

Где ранена — уж не его забота.

— Пусти, — ударила в грудь, закрытую бронёй, кулаками, — ничего со мной не случилось.

Случилось бы, если бы не хазарин тот, только Вейя придержала язык за зубами — злить Далебора себе дороже.

— Куда ты рвёшься всё? — всё же и без того разозлился он, сжимая пальцы, сильнее надавливая на шею.

Вейя, поджав губы, засопела гневно — до того противен стал сотник, силой своей нахрапистой настырной. Дёрнулась резко, отшатнувшись, как от огня, сбрасывая ручищи мужицкие с себя. И что он привязался, будто других забот нет?

Далебор, кажется, даже опешил на короткий миг, а потом зачерствели его черты. Не стал её донимать, вонзая в неё стылый взгляд, видя, как оглядываются на них гридни и десятник, который было вступился, да отчего-то передумал. Вейя попятилась и бросилась от Далебора прочь, пускаясь в бег, спеша скрыться из вида. Не нужна ей забота от него, какая бы ни была она.

Перешла на шаг, как закололо острой иглой под боком, только сейчас это мало волновало. Она огляделась: на взгорке уже шатёр ставили и палатки, стаскивали гридни поклажу и коряги, раздобытые где-то. Вейя поняла, что ночевать здесь станут. Теперь-то к такому полчищу ни один тать не сунет носа.

Обойдя возы, Вейя встала за одним из них, стараясь не показываться особо на глаза чужакам, что собрались скопищем немалым. Так просто к князю не пройти. Повсюду мелькали они, так непохожие на полянов: в боевом рубище из кожи грубой, сплошь покрытой платинами стальными, из-под которых виднелись кафтаны до колен — только и видны голенища сыромятных сапог, перетянутые ремнями; на головах — шлемы, отороченные мехом то с лисьими, то с волчьими хвостами. В облачении таком они громоздкими казались, и вовсе не похож ни один из них на того хазарина: эти крепкие, тяжёлые, как коренья, скуласты, и кожа смуглая лоснилась в вечернем закате. Устрашали видом своим сыновья степи, в крови которых сталь и жар костров. Даже холодок пролёг меж лопаток. Вейя всё выискивала того хазарина, что налетел диким коршуном на татей, да так и не нашла. Хотя зачем он ей? Только перед глазами всё стояли глаза тёмные, полные жара ярости. И лучше бы, верно, и не видеть его больше. Тревожно как-то становилась внутри.

Один из хазаричей, что стоял к Вейе спиной, повернулся, чутко носом повёл, принюхался, будто зверь, бросая на Вейю острый вороний взгляд. Он среди остальных, наверное, самый громоздкий был, точно скала: с могучими плечами и грудью, статью богатырской, как десятник князя Бромир — ничем ему не уступал. Разве только взгляд цепкий, колючий, как репей. Вейя отошла вглубь тени, скрываясь с поля зрения чужака — не так-то легко теперь подобраться к Годуяру. Да хоть увидеть его издалека.

Прислонившись к борту дощатому, прикрыла устало веки, понимая, что едва держат ноги, всё ещё ощущая, как бьётся по телу мелкая лихорадочная дрожь, вспомнила, как несло её по колдобинам. Запоздало заныл вдруг и бок, стреляя болью куда-то в бедро. И дыхание слишком туго ходило, каменев, застревая в горле. Не хватало ещё кости поломать, в седло тогда и не сядет.

— Вот ты где! — раздался сбоку голос Земко, а следом и приближавшиеся быстрые шаги. Гридень запыхался даже малость, видимо, носился по лагерю долго. — Князь тебя спрашивал, я уж весь луг обегал. Видели тебя все, а никто не знал, куда подевалась. Хочет видеть тебя Годуяр, зовёт в шатёр.

Земко вытер тыльной стороной ладони мокрый лоб. Значит, и с князем всё обошлось. С груди будто камень свалился, но идти сейчас в таком виде — стыдоба: разорван рукав до самого плеча, и ссадины кровоточили, в косе застрявшее зерно и трава — вычесать бы. Куда она так? Сперва переодеться, омыть раны. Земко в след её мыслям нахмурился, когда Вейю разглядел лучше в сумраке высокого обоза.

— Передай, что скоро буду, — ответила. Тот кивнул понимающе. — Много раненых, убитых? — спросила, видя, как уже собирают гридни чуть в стороне на холме краду. — Может, помочь чем нужно?

— О себе лучше позаботься, — посерьёзней вдруг Земко, — сами справимся. Раненые есть, конечно, как и убитые.

Вейя опустила взгляд. Конечно, ни одна битва без смертей не может обойтись, да всё равно тяжесть и сожаление внутри сгустились против воли, не сразу то и примешь.

Вейя вздрогнула, когда совсем поблизости раздался голос резкий — грубый говор, к которому, наверное, и привыкнуть невозможно, вырвал Вейю из задумчивости. Сердце отчего-то забилося туго, и по рукам к ладоням жар хлынул. Она глянула в ту сторону да застыла, как увидела знакомого уже хазарича, что шагал от расположившегося рядом кагановского становища твёрдо по земле, да всё равно легко и уверенно, будто не было на нём тяжёлой брони да громоздкого оружия на поясе.

Он остановился перед тем воином могучим, и хоть насколько он не был широк и грозен, а хазарич всё равно не уступал в своей гибкой стати. Но каким благородным он ни казался, а Вейя помнила, насколько остро и беспощадно лезвие в его ножнах и холоден взгляд, полный жестокости, что до кости пронимает. Они о чём-то переговаривались, но теперь уже не так громко. Вейя прислушивалась к речи обрывистой, да зазря — и как только понимают друг друга? Хазарич, выслушав могучего соратника, положил ладонь на рукоять палаша — сверкнули на загорелых пальцах перстни, он вытянулся чуть, смотря в сторону шатра, что-то ответил и прошёл, верно, к княжему стану. На ходу он снял шлем с кожаной бармицей, что покрывала его плечи. Вейя не успела рассмотреть воина — на загорелый лоб и скулы упали чёрные прямые пряди, прочертив по лицу жёсткие тени, уводя и без того сумрачный взгляд в тень, и от того черты теперь казались ещё резче и глубже. Даже внутри живота холодок пролёг от вида его дикого, чужого.

Он прошёл мимо Вейи и Земко и не мог не заметить их — сумрачный взгляд точно в Вейю упёрся. А в грудь ее будто волна ударилась, что дыхание перехватило. Хазарич, кажется, тоже узнал её, наполнились жаром углей тёмные глаза, сошлись в резком разлёте брови на переносице, когда он бросил быстрый взгляд на притихшего гридня, стоявшего рядом с ней, да отвернулся тут же, ничуть не задерживаясь. Вейя выдохнуть смогла, только когда он скрылся из видимости. За хазаричем ещё двое степняков двинулись. А внутри Вейи муть всплеснула тревогой. В недоумении на Земко глянула, который всё это время тоже наблюдал за пришлыми с хмуростью и настороженностью.

— Кто это? — спросила Вейя, уж догадываясь где-то в глубине обо всём сама, да почему-то не слишком верила или не хотела верить собственному чутью, что хазарич этот и не таким простым воином был в кагановской дружине, раз за ним его соратники по оружию последовали к шатру князя верной охраной.

— Младший сын кагана Ибайзара Тамир, — буркнул гридень, явно не шибко радуясь степному вождю, примкнувшему к княжескому отряду.

Вейя сглотнула сухо — потянувшийся от костров дым полез в глотку.

— Там палатки ставят, ступай туда, — указал гридень, — лошадь твоя стрелой убита, вещи найдёшь вон в том возу, — вновь указал в средину становища Земко.

— Хорошо, — ответила Вейя, уже решая поскорее уйти к своим поближе.

Земко к шатру направился, а Вейя поспешила уйти оттуда, где её и не должно быть, пытаясь хоть как-то разогнать муть внутри. И хорошо, что узнала, кто из степняков самым главный будет — подальше теперь нужно держаться. И откуда такие тревоги берутся, Вейя и сама толком не понимала, но вспоминала слова Доброрады, как упреждала она её о чужаке по крови и земле. Невольно и поверишь, да только, видимо, волхва припугнула малость, чтоб Вейя осторожней была. Что ей сделается, коли под опекой князя? И вот уж кого избегать приходилось, так это сотника.

Отыскать свои вещи в поклажах одной у Вейи не получилось бы, если бы не подсобил Воёпа, перевернув целую кипу связок, что навалили мужи абы как, лишь бы поскорее всё собрать и сложить, пока ночь не опустилась — от росы уберечь.

Вейя, оставив Воепу покараулить снаружи, торопясь, пока ещё светло, нырнула в отведённую ей гриднями палатку. Быстро скинула порченное платье — его теперь уж не надеть. Развязав тесьму и расправив ворот, спустила к бёдрам исподнюю, страшась, что всё равно кто может заглянуть, хоть за тканью стоял надёжный сторож. Страхнула с кожи шелуху и крупы от зёрен, что так кололи вспотевшее от духоты тело, осмотрела себя. Кое-где уже синяки страшные проступали, багровые тёмными пятнами, будто били Вейю палками. Ощупала рёбра там, где потемнела кожа и саднило больше всего — да вроде цело всё, только побаливает, просто сильно ушиблась. Заживёт. Пока одевалась да расчесывала косу, плетя её заново, уже много времени прошло, в палатке стало темно, повеяло сырой прохладой, что стелилась по земле зыбким прозрачным туманцем. Повернувшись к свету от костра, что сочился через тонкую щёлку, Вейя заглянула всё же в начищенную сталь и поняла, почему с такой тревогой справлялись о ней гридни: на скуле широким пятном синяк зиял, и рассечена губа нижняя, пылая алым. А ведь чувствовала припухлость и онемение лёгкое. Отложив сталь, повязала на голову ленту с медными височными кольцами, чтобы скрыть ушиб. Витые кольца прохладой обожгли кожу, чуть позвякивали при каждом движении, перенимали всё внимание.

Успела выйти, как вернулся Земко, и, позабыв об ушибах и навалившейся усталости, Вейя за ним последовала к шатру. На открытом лугу прохлады стелилась ощутимая, обнимала плечи, норовя за ворот скользнуть, крадя помалу тепло. И только обдавал жар, когда мимо очередного костра проходили. Вейя всё смотрела по сторонам, да так ни одного черноволосого хазарина среди своих не увидела. Повсюду гридни, заняты кто чем, но больше, конечно, увлечены разговорами да пересудами — оно и понятно, ещё никогда такого не было, чтобы степняки бок о бок стояли с полянами. Горланили, вытягивая шею, да зыркали всё куда-то в сторону шатра. Вейя избегала Далебора встретить — а ну как налетит снова, отбивайся потом. Да не было сотника среди гридней, подевался куда-то, как и десятник Бромир, стало быть, рядом с Годуяром.

Вейя зябко плечами повела. Когда вышли за край становища, пройдя мимо тех повозок, у которых увидела она хазарича. Тут тоже уже горели костры, что становились ярче на затухавшем багровом у самого окоёма закате, повсюду сновали воины — только и вспыхивала сталь на телах. Вейя слышала их обрывистую речь. Чудная, непонятная. Раскинулся стан кочевников широко. Сколько же их тут? Три дюжины, не меньше. Были у них свои обозы, похожие на избы: где из дерева, а где покрыты войлоком — хоть живи в такой. Они, верно, и живут, всё время в дороге, в пути, недаром говорят и жилища у них переносные, которые можно сложить в телегу и разложить, когда нужно станет, и так же в жилищах этих и очаг, и лавки, и чуры даже свои.

У шатра повсюду со всех сторон стояли стражники, зорко охраняя шатёр. По приближению Вейя слышала голоса. Полог шатра чуть приоткрыт был, и оттуда пробивался густой жёлтый свет. Сердце забилося туго и жарко, когда Вейя поняла, что хазарич тот всё ещё находился у князя. Как же иначе? Теперь говорить будут до поздней ночи или вовсе до утра. Вейя даже сбавила шаг, отчего-то волнение всплеснуло с такой силой, что потемнело в глазах и закружилась голова, а ноги будто в топь завязли. Земко даже остановился, но Вейя расправила плечи и вскинула подбородок, заставив себя улыбнуться мягко, поспешив тревогу скрыть. И чего так испугалась? Если что-то станет известно о Гремиславе? Вспомнила об отце, и защемило где-то под сердцем, тоска разлилась мутью. Он ведь сейчас неизвестно где, страдает, быть может. И Вейя не должна малодушничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.